

А. Е.
ЗАРИН

Кровавый пир

Андрей Ефимович Зарин

Кровавый пир

Текст предоставлен правообладателем
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=2371145
1994

Аннотация

Произведение Зарина посвящено одному из самых трагических событий русской истории XVII века – крестьянской войне под предводительством атамана Степана Разина. Оно расширяет представления об известном историческом герое, судьба которого раскрывается на фоне увлекательных взаимоотношений других персонажей. И, как ни странно, в произведении есть место романтической любовной истории.

Содержание

Часть первая	4
I	4
II	9
III	16
IV	24
V	35
VI	38
Часть вторая	47
I	47
II	54
III	67
IV	76
V	88
VI	97
Конец ознакомительного фрагмента.	100

Зарин Андрей Ефимович

Кровавый пир

Часть первая

I

Августа 25–го 1669 года с раннего утра в городе Астрахани царило небывалое оживление. Со всех сторон народ торопливо шел на берег Волги и там толпился у пристани.

На лицах всех было видно крайнее любопытство, соединенное с каким-то страхом.

– Ведун, бают, – говорила одна женщина другой, – молвит этакое слово, ан и сгинул!

Другая женщина кивнула только головою, видимо несколько не удивленная рассказом, и сказала:

– Муж – от говорит: ни ружье, ни пушка не берут. Пуля вдарит и отскочит. Заговор, слышь, у него такой: и от пули, и от меча...

– Есть такой заговор, – подтвердила первая женщина, – баушка Ермилиха говорила, что есть...

– Пропустите, старушки Божие! – толкая их в стороны, сказал здоровый детина в колпаке на затылке. – Батюшку по-

видать охота!

– Ах твои бесстыжие глаза! Пес окаянный! – заругались женщины. – Нешто мало дороги тебе?..

– Подвинься, тетка! – закричал парнишка, толкая женщину в спину.

– Я те задам: подвинься! Щенок!

Но народ надвигался волною, и обе женщины волей – неволей должны были двинуться со всеми.

– И богачества, я те скажу, у – у! – говорил один стрелец другому.

– Видел?

– Видел! У меня братан рыбачит. Так я с им на челноке к ним.

– Ну?! – удивился слушатель.

Подле них тотчас собралось несколько слушателей.

– Верно слово, – побожился стрелец и продолжал: – Они тута у Болдинского устья и стали.

– Ну!

– Пристали это мы к им, к стругу, а они нам: идите, кричат, штоли. Мы и вошли!

– Ишь! – с завистью воскликнул кто-то из слушателей. – И много видел?

– А ты не перебивай! – наставительно сказал в толпу стрелец и продолжал: – Вошли мы это. Господи Владыко! По бортам-то ковры все, ковры. На корме подушки алые. Груда! Веревки это – из шелка все. Вот ей – Богу!.. – побожился стре-

лец.

В толпе слушателей послышались завистливые вздохи.

– Что и говорить: житье! – раздался чей-то голос.

– Ни тебе бояр, ни тебе воевод. Живи! – подхватил другой, а стрелец все продолжал свой рассказ:

– Кафтаны на них все из бархату либо их парчи, а на шапках камни самоцветные. Горят...

– Родимые, пропустите, Бога для! – послышался жалобный бабий голос. – Дыхнуть не могу! Затиснули! Оставь, озорной! – завизжал тот же голос.

– Го – го – го! – загрохотали кругом.

И среди общего гама резким фальцетом раздавалось пение слепца:

А и край было моря синего,
Что на устье Дону-то тихого,
На крутом, красном бережку,
На желтых рассыпных песках,
А стоит крепкий Азов – город
Со стеною белокаменной,
Земляными раскатами, со рвами глубокими
И со башнями караульными...

В это же время, в середине города на площади, подле церкви, в приказной избе сошлись воеводы астраханские, князя Иван Семенович Прозоровский и Семен Иванович Львов, оба в дорогих кафтанах, в высоких гарлатных шапках

с тростями в руках. Тут же, в избе, подле аналая, что стоял перед образом Спаса, сторбившись, сидели на лавке поп в подряснике, два дьяка приказных, подьячий, пожилой казак, Никита Скрипицын, и бритый перс, купец Мухамед – Кулибек.

– Будут ли? – после долгого молчания спросил тревожно князь Прозоровский.

– И нетерпелив ты, князь! – с укором ответил воевода. – Как же не быть ему, ежели он за мной следом прошел! Коли вот и ему, – он указал на Скрипицына, – сказал и ко мне двух аманатов прислал. Тебе вот, Мухамед, – обратился он к персу, – за сына придется выкуп дать. Пять тысяч! Говорил им. Не слушают!

Перс сложил на груди руки и поклонился:

– Буду давать! Один сын, одна голова! Казны не жалко! Не давай казны, убьют.

– Шутить не будут...

– А награбили? – не без зависти произнес Прозоровский. Львов только рукой махнул.

Дьяки переглянулись между собою и, ухмыляясь, потерли руки...

– Едут! – вдруг закричал, вбегая в избу, стрелец. Воеводы встрепенулись и приосанились:

– Далече?

– К пристани причаливают. Четыре струга, а народу!

В это время в избу вбежал другой стрелец.

– Идут! – объявил он, кланяясь воеводам. – Позади пушки тащат, полонян ведут!..

– Видишь! – торжествующе сказал Львов Прозоровскому.

II

Это шел Стенька Разин с повинной, в ту пору только уда-
лой атаман разбойников.

Объявился он, как разбойник в 1666 году. Разин – дон-
ской казак из Черкасс, где в ту пору атаманом был Корнило
Яковлев, сторонник тишины, порядка и строгой покорности
московскому царю.

Задумав разбойное дело, Стенька Разин собрал толпу го-
лытьбы и решил с нею плыть на Азовское море и пошарнать
турецкие берега, но Корнило Яковлев преградил ему путь.
Тогда Разин завладел четырьмя стругами и пустился на них
вверх по Дону. Он решил подняться до места соединения
с Волгою, перебраться на Волгу и по ней спуститься уже в
Каспийское море. Корнило Яковлев погнался за ним, но не
догнал, и казаки уплыли. Дорогою они грабили богатые ка-
зацкие хутора.

Слух о разбойниках дошел до Царицына, говорили, что
с Дона идут они грабить Царицын, разбивши, заберут суда
и снасти и поплывут вниз, на Астрахань. Воеводы всполо-
шились, и во все концы полетели грамоты. Воевода цари-
цынский писал в Саратов и Астрахань; из Саратова писали в
Симбирск и Царицын, из Астрахани в тот же Царицын, а из
Москвы всем был прислан наказ, чтобы» воеводам держать
себя с великим бережением и друг другу в помощи не отка-

зывать, а быть всем в дружбе».

Тем временем Стенька Разин доплыл до места сближения, выбрал высокое, сухое место между речками Тишина и Иловля и остановился на нем станом, недалеко от города Паншина. Царицынский воевода тотчас послал к нему, по обычаю того времени, людей с увещанием, но они не дошли до стана Разина. «Со всех сторон вода; добраться никакой возможности, а казаки челноки дать опасаются». Уньковский послал вторично двух монахов, но и те вернулись ни с чем. А тем временем Стенька Разин, передохнув, снялся и переправился на Волгу, вероятно, по речке Камышинке. Здесь он засел повыше Камышина.

Плыл в ту пору из Нижнего в Астрахань весенний караван. Состоял он из нескольких стругов частных лиц, из казенных и патриарших судов, из большого судна купца Шорина, который вез казенный хлеб, и еще судна со ссыльными. Шел караван под охраною отряда стрельцов, с боярским сыном Федоровым во главе.

Вдруг на отмели выскочили на них казаки Стеньки Разина, раздался крик: «Сарынь на кичку!» – и перепуганные люди без боя сдали разбойникам весь караван.

Стенька Разин перевешал всех старших, освободил ссыльных и оставшимся сказал: «Всем вам воля. Хотите идите, хотите у меня оставайтесь; казаками вольными будете!»

Ссыльные стрельцы и ярыжки (судовые рабочие) присоединились к нему. Он забрал ружья, запасы каравана и по-

плыл вниз мимо Царицына. Перепуганные царицынцы не сделали по нем ни одного даже выстрела.

Плыл теперь Разин уже на тридцати стругах, и было у него людей до полуторы тысячи. По дороге встретился ему воевода Беклемишев с уговариванием. Стенька вдоволь потешился над ним: купал его, вешал на мачту, потом, пробив руку чеканом, раздел донага и прогнал.

Никого более не трогая, проплыл он мимо Черного Яра, по узкому протоку Бузани, мимо Красного Яра, и, выйдя в Каспийское море, левым берегом дошел до Яика. Город оберегал стрелецкий голова Иван Яцын, но в нем уже ждали Разина охочие до разбоя люди.

Разбойники вошли в город, отрубили голову Яцыну, порубили до ста пятидесяти иных людей и завладели городом. Здесь они стали вербовать себе сторонников. Со всех концов сбегались к ним недовольные, и Разин всех обращал в вольных казаков. Отсюда они прошли берегом, разбили и ограбили кочевья нищих едиссанских татар, разбили у Терка турецкое судно и вернулись в Яик зимовать.

Имя Разина стало уже страшно своими кровавыми подвигами. Из Москвы в Астрахань посыпались тревожные указы; астраханский воевода Хилков направил войско под начальством Якова Безобразова. Не дойдя до Яика, он послал от себя двух стрельцов, Янова да Нелюбова, с мирными переговорами, собираясь ударить на Разина. Тот прознал о его замысле, стрельцов повесил, а на Безобразова выступил сам

и разбил его. Ужас охватил все Поволжье.

За слабость Хилкова с воеводства ссадили и на его место послали князя Ивана Семеновича Прозоровского. Он из Саратова послал к Стеньке двух стрельцов с увещанием, но Стенька одного из них утопил, а другого прогнал назад к новому воеводе.

После этого, 23 марта 1668 года, он ушел из Яика и пропал почти на год.

Весь этот год Разин провел в страшных разбойничьих подвигах. Сначала он стал разорять татар, живущих по берегу Дагестана. Потом они взяли Тарки, Дербент и Баку, везде неистовствуя, насильничая и предавая все огню.

Под видом купцов они входили в город, и жители радушно встречали их, тотчас вступая в торговые сношения. Казаки занимали город, следя за своим батькой. Вдруг Стенька Разин сдвигал шапку на затылок, и картина внезапно изменялась. Казаки разом бросались на безоружных жителей, били их, резали, врывались в дома и, нагруженные добычей, оставляли город, предав его пламени.

Так, разоряя и неся с собою ужас, они дошли до Гилянского залива, ограбили Фарабат и наконец на одном из островов остановились на зимовку.

Пользуясь этим временным затишьем, персияне стали деятельно сооружать флот для истребления страшных разбойников. Но еще не успели закончить работы, как пришла весна. Разин снялся с зимовки, перешел на восточный берег

моря и стал громить трухменские улусы. Потом, доплыв до Свиного острова, дал на нем роздых. В июле 1669 года семьдесят судов, так называемых» сандали», с четырьмя тысячами персиян и наемных черкесов, по приказу падишаха двинулись к Свиному острову. Начальствовал над этою силой астраханский Менеды – хан, в твердой надежде на победу взявший с собой сына Шабын – Дебея и красавицу дочь.

Казачи не побоялись принять сражения. Поначалу загремели пушки и началась перестрелка, а потом сцепились борт о борт, казаки взбежали на персидские суда, раздался страшный крик:

– Нечай! Нечай! – и несчастные персы были разбиты наголову. Только три струга успели убежать вместе с горемычным ханом. Казачи топили и брали в плен остальные сандали, полонили сына и дочь, хана и забрали сотни две пленных. Но победа эта им обошлась не дешево. Человек пятьсот погибло у казаков – и Стенька Разин задумался. Награбленного добра чересчур довольно, так не лучше ли со всею добычею вернуться на тихий Дон. И Стенька Разин двинул свое воровское войско назад на Волгу.

Спустя десять дней, 7 августа, ночью они вошли в устье Волги и напали на учуг Басаргу, принадлежащий астраханскому митрополиту. Набрали там себе всего съестного, взяли кое-что из рыболовных снастей и двинулись дальше, но едва двинулись, как узнали, что в Астрахань идут бусы, – и тотчас повернули назад, в море. Шли две бусы. На одной

персидский купец Мухамед – Кулибек вез разные товары; на другой везли от персидского шаха к русскому царю в подарок дорогих аргамаков.

Все досталось удалым казакам...

А пока они гуляли по морю, астраханские воеводы готовились встретить их ласкою. Для этого они выправили от царя грамоту, по которой давалось казакам полное прощение, если они принесут повинную.

Князь Прозоровский рассудил так: Стенька Разин со своею ватагою становился страшен, вольные казаки, черный люд и даже стрельцы клонились на его сторону. Что же касается его разбоев у персидского шаха да у татар, так их ему можно даже за службу зачесть, потому что от персов и татар постоянно доставалось и русским.

Приготовились его так встретить астраханские воеводы, и вдруг прибежали рабочие с митрополичьего учуга со страшною вестью, а следом за ними персидский купец, хозяин ограбленной бусы.

Князь Прозоровский тотчас послал на Разина своего товарища, князя Львова, на тридцати шести стругах с четырьмя тысячами стрельцов. Князь быстро поплыл вниз по Волге. Разин, увидев, что идет на него немалая сила, повернул назад в море. Князь гнался за ним в море двадцать верст, но не мог догнать и послал от себя посланца казака Скрипицына с государевой грамотой.

Стенька Разин принял посла, прочитал грамоту и задумался.

мался, а Скрипицын стал уговаривать его и казаков.

– Ничего вам не будет, – говорил он, – отдайте пушки, что забрали по Волге и в Яике – городке, отдайте морские струги, а вам легкие дадут; отпустите служилых людей да князю Семену Ивановичу передайте купецкого сына, что полонили, и спокойно на Дон идите!..

Стенька Разин давно уже сообразил все выгоды такого предложения и повернул назад. К князю же Львову послал двух казаков, которые согласились на все условия, кроме выдачи купеческого сына, за которого требовали пять тысяч выкупа. Князь в свою очередь согласился и, взяв казаков заложниками, поплыл в Астрахань, а за ним Стенька Разин со своими стругами.

Подле Астрахани передал он Львову купеческого сына, Сехамбета, за которого князь обещал выдать деньги в приказной избе.

Князь остановился у Астрахани, а Стенька Разин проплыл мимо нее и стал невдалеке, у Болдинского устья, со всеми своими стругами и удалыми казаками.

Такова история Стеньки Разина до того времени, с которого начинается эта повесть.

III

– Едут! – пронеслось по берегу, и толпа народа, теснясь и давя друг друга, бросилась к пристани. Сверху Волги на веслах друг за другом спускались к пристани четыре легких струга. Один из них действительно мог поразить каждого своим великолепием.

Молодой стрелец не соврал. Вместо канатов и веревок на нем вились синие, красные, желтые шнуры из шелка; судя по яркости блеска, на мачтах вместо парусов висели парчовые ткани, все борты были выложены алым бархатом, а на корме, под пышным балдахинном, на богатых подушках лежали казаки.

Народ ахнул, завидя этот струг, и ни на что не смотрел больше, следя только за ним.

– Надо полагать, на нем и батюшка, Степан Тимофеевич, – говорили в толпе.

– Не иначе!

А тем временем к пристани подошел первый струг. С него сошла ватага удальцов и стала быстро перетаскивать на берег длинные пушки; потом подошел второй струг, вышла новая ватага и вывела за собою пленников в изорванных одеждах, босых, со связанными назад руками и соединенными общей длинной веревкою. Из третьего струга вышли казаки, вытащив с собою большие связки, тючки и разную рухлядь. И,

наконец, из четвертого, богато украшенного, сошли на берег только казаки. Почти все они были одеты одинаково пышно и богато. На всех были золотом шитые и украшенные камнями сафьяновые сапоги желтого, зеленого или алого цветов, огромные шаровары алой шелковой материи, жупаны и кунтуши из дорогой парчи, высокие бараньи шапки, на которых сверкали ожерелья из драгоценных камней и, наконец, изукрашенное оружие за богатыми поясами. Все на подбор молодец к молодцу, крепкие, коренастые, с загорелыми лицами, длинными усами, бритыми лбами и смелым, решительным взором.

Они все, весело перекидываясь словами, тронулись по узким улицам огромной ватагою, и народ провожал их с завистливым и пугливым вниманием.

– Фу – ты, притча, – сказал один посадский другому, – гляжу, гляжу, а который из них батька – и не распознаешь.

– Про него меня спросите, братцы, – отозвался маленький, плюгавый мещанин, – я в Царицыне был, когда он проходил мимо.

– Его во как видел!

– А где ж он?

– У него из глаз искры сыплют, и весь он в золоте, – пояснил таинственно мещанин. – Кто на него ежели взглянет, не из своих то исть, сичас в пепел обратится.

– Бреши, бреши! – перебил его рослый казак. – Степан Тимофеевич-то – вот он! – ткнул он в толпу казаков паль-

цем. – Я его еще с Черкасс знаю. Вместе бражничали. Его и Фролку!

Сиплый голос казака донесся до слуха ватаги. Один из них обернулся, и толпа сразу подалась назад, инстинктивно угадав в нем Разина. И правда, это был он.

Костюмом он ничем не отличался от своих соратников, но довольно было взглянуть на него, чтобы признать в нем атамана.

Невысокого роста, широкоплечий и коренастый, он прежде всего производил впечатление силы, а стоило увидеть его взгляд, чтобы понять и ту неукратимую силу, которая могла подчинить себе волю буйной ватаги.

Мещанинишка немного преувеличил, сказав, что из глаз его сыпались искры: в них горел неукротимый пламень. Красивое лицо с правильными чертами, слегка тронутое оспинными рябинами, с короткими усами и высоким лбом было бы обыкновенно, если бы не глаза, в которых чувствовалось присутствие какой-то сверхъестественной силы.

Разин отвернулся, что-то молвив своим удалцам, и толпа очнулась и загудела. Не бойся она воевод и стрелецкого войска, она бы разразилась восторженным криком.

Словно чувствуя это, Разин небрежно поправил на голове баранью шапку и снова ласково оглянулся на толпу.

– Вот он, сокол-то наш! – восторженно крикнул полупьяный казак. – Здрав будь, батько!

– И ты, сынку! – громко ответил Разин и, приняв гордую

осанку победителя, а не несущего повинную, вошел в приказную избу в сопровождении четырех своих есаулов.

Князя Прозоровский и Львов важно сидели на своих местах за длинным столом, опершись на свои палки.

Разин вошел, снял шапку и поясно поклонился воеводам.

– Челом бьем на здравии! – сказал он.

– Милости просим! – ответил Прозоровский. – С чем пришел, сказывай!

Разин вынул из-за пояса булаву – символ своей власти, взял из рук есаула бунчук, положил их на стол и, снова поклонившись, проговорил:

– Мы бьем челом великому государю, чтоб великий государь пожаловал нас, велел вины наши нам простить и отпустить нас на Дон! А что мы с повинной идем, тому в знак принесли мы пушки: пять медных и шестнадцать железных, да пленных своих, что в боях забрали. На том челом бьем!

Прозоровский встал и сказал Разину:

– Государь, по своему милосердию, вины ваши с вас снял и позволил вас на Дон отпустить. Только допрежь вы должны свои морские струги отдать. Мы вам легкие в обмен дадим.

– Ваша воеводская воля! – смиренно ответил Разин.

– И еще зажаться должны, что больше на Руси воровским делом заниматься не будете, а станете царю прямить!

– Мы и так супротив царя не шли!

– Ну, Господь с вами. Государь вас милует, а что сделаете впредь, то и теперешнее помянется!

На этом и кончилась церемония. Воеводы встали со своих мест и вместе с Разиным пошли осмотреть пушки и пленных.

– Да неужто тут и все пушки? – удивился князь Прозоровский, увидя всего двадцать одну пушку.

– По моему взгляду, до сорока пушек было, – сказал Львов.

Разин нахмурился и взглянул на воевод исподлобья.

– Всех пушек отдать не можно, – ответил он угрюмо, – как пойдем по степи от Царицына до Паншина, пушки и нам нужны станут. Всякий народ там гуляет. В Паншин прибудем и пушки отошлем!

Воеводы переглянулись, но они стояли в тесном кругу казаков и промолчали.

– А что же служилых людей не отпустили?

– А нешто мы их держим. Пушай идут. А неволить не можем!

Кругом послышался сдержанный смех.

– Вы вот все меня спрашиваете, а небось выкупа за Сехамбета я еще не получил, а молодцы с меня спросят! – резко заговорил Разин. – А ты, князь, мне еще слово давал!

Князь Львов вспыхнул:

– Мухамед тута и тебе казну принес. Можешь не опасаться!

– Ну, будет! – примирительно произнес князь Прозоровский. – Ты вот что! – обратился он к Разину. – Отбери молодцов, что к тебе ближе, да идите ко мне на пир честной.

Всем надо пир справить!

Разин поясно поклонился князю:

– Спасибо за честь! А вы, князья – воеводы, не откажитесь на скудном подарочке нашем. Челом бьем вам!

Лица воевод просветлели. Казаки стали подносить им дорогие ткани персидские, оружие в окладах, халаты, шали и седла.

– И вы, милые, подходите! – крикнул весело Разин стоящим поодаль дьякам и подьячим и наделяя кого куском материи, кого саблей, кого халатом.

– А и награбили, удалые молодчики! – добродушно уже усмехаясь, говорил Прозоровский.

– Всего было! – ответил Разин.

День окончился пиrowанием у князя Прозоровского. Воеводы напились с Разиным, хлопали его по плечу и говорили:

– Пошалил, Степан Тимофеевич, и будет! Теперь царю правь, а мы за тебя во как царю отпишем!

– Спасибо на добром слове. Мы все хотим честью, – отвечал Разин, – надоело разбойство это. Казна есть! А мы царю – батюшке всегда прямили. Теперь ему островами поклонимся, что на море взяли.

– Так, Степан Тимофеевич, так!

– Здоровье царя – батюшки!

– Теперь ты ко мне на пир! Мой черед, – лепетал князь Львов.

– К нам, на струги, милости просим! – отвечал Разин.

А тем временем по всей Астрахани рассыпались удалые казаки, наполнив царевы кабаки и тайные рапады. Не считая, они сыпали из карманов деньги, братались с мещанами, посадскими и стрельцами, и скоро пьяное веселье разлилось по всем улицам и площади.

– Гуляй, казацкая душа! – орал пьяный казак, обхватив за шею двух посадских. – У нас, братики, так: пей, пока ноги держат! Заливай! Грицько, ты куда, вражий сын?

– А туючко, бают, девчины есть! – ответил на бегу другой казак.

– А и мы ж з ним!

На базаре у канавы, распивая огромную баклагу, стрелец говорил с казаком:

– И пойду я к вам. Ей – Богу, пойду! Здесь что. Жрешь толокно, денег не дают, а службу неси. Ну их!

– Пожди трохи, – отвечал казак, – мы еще с батькой назад придем, тогда иди!

– И пойду! Вот тебе крест!

– Тогда и иди! – твердил казак.

Уже небо вызвездило и месяц поднялся, когда казаки вернулись на свои струги. Пьяного Стеньку внесли на его» Сокола» и под дружные удары весел отчалили от пристани.

– До завтра, молодцы! – кричали им с берега.

– Да завтра! – отвечали казаки.

Струги тихо поплыли по озаренной луною реке, и скоро среди ночной тишины до города донеслась дружно подхва-

ченая песня:

У нас-то было, братцы, на тихом Дону,
Породился удал добрый молодец,
По имени Степан Тимофеевич;
Во казачий круг Степанушка не хаживал,
Он с нами, казаками, думу не думывал;
Ходил гулял Степанушка во царев кабак;
Он думал крепку думушку с гольтьюбою:
«Судари мои, братцы, голь казацкая!
Поедем мы, братцы, на сине море гулять,
Разобьем, братцы, басурмански корабли,
Возьмем мы казны сколько надобно...»

Песня росла, ширилась, а потом стала доноситься глуше и глуше и замерла... Полупьяный народ стоял на берегу словно зачарованный. Песня взволновала всех; в ней слышались воля, молодечество, бесшабашная удаль.

Сидят все словно в остроге, прикрепленные к дому, к лавке, к молодой жене, а те соколы – никого не знают. Весь свет для них!..

– Эх, и житье привольное! – громко выкрикнул пьяный ярыжка, и в толпе ответили ему сочувственным вздохом.

IV

Астрахань словно захмелела, так закружили ее казаки. С раннего утра приезжали они в город, привозили с собою награбленное добро и продавали его на базаре, с пьяных глаз отдавая за ту цену, которую давали им хитрые купцы.

Дорогие персидские ткани, ковры и шали; золотые, серебряные цепи, ковши и кубки; камнями усыпанные чепраки и седла, ружья, пистолеты, кинжалы и сабли – все продавали казаки охочим людям, и на базаре с утра уже толпился народ.

Нередко в толпе показывался и сам Стенька Разин; вокруг него тотчас собирались нищие и кричали:

– Батюшка, помоги! Батюшка, милостивец, не оставь!

И Разин бросал в их толпу горстями серебро и золото.

– Здравствуй, батюшка! – кричали ему в следующий день встречные ярыжки, пьяницы, голь кабацкая и падали ему в ноги...

До полдня шла торговля, а там распродавшие добро свое казаки шли по кабакам и начиналась гульба до вечерней темноты.

Высыпала на улицы голь кабацкая, холостые мещане и посадские, стрельцы и ярыжки, и стон стоял по городу от пьяного веселья. Мирные жители прятались по домам, запирали дубовые калитки, задвигали окна ставнями и испуганно крестились при каждом крике.

– Пей за здоровье батюшки нашего, Степана Тимофеевича! Пей, собачий сын! – орал казак, поймав на улице испуганного дьяка.

– Не могу, милостивец! С ног упаду! – молил дьяк.

– Пей! Не то с чаркой в глотку забью! – кричал казак, и испуганный дьяк тянул неволей водку.

– А то: не могу! – уже добродушно смеялся казак и шел, пошатываясь, дальше.

На площади составлялся круг. Откуда-то брались запрещенные скоморохи, гудела волынка, сопели, и казаки плясали, выбивая ногами частую дробь.

Воеводы словно показывали пример черни.

То у них по очереди пировал Стенька Разин с казаками, то они шли к нему на струг и каждый раз возвращались с дорогими подарками, которыми оделял их щедрый Разин.

Может, потому и были так снисходительны к нему корыстные воеводы. Почти ни в чем не решались они перечить Разину, и даже не посмели отобрать у него царских аргамаков, а не то что награбленный у Мухамеда товар или лишнюю пушку.

Наступал вечер, теплый, летний, южный. Стенька Разин со своими любимыми есаулами, Ивашкой Хохловым да Васьюкою Усом, сидели на струг под пышный балдахин, на богатые ковры и подушки, а прочие казаки на весла, и медленно плыли к своему стану, часто чтобы вновь бражничать.

Стенька Разин был истый казак своего времени, для кото-

рого пьянство составляло как бы культ. Созвав есаулов своих, он нередко до зари продолжал брашну.

Но в промежутках этого сплошного пьянства и Стенька Разин, и воеводы думали о деле.

– Чего это они, вражьи дети, держат нас столько, – говорили иногда есаулы, – мотри, худо бы не было!

– С нами-то? – удивлялся Разин. – Али они белены объелись. Небось воеводы у меня во где! – и он показывал свой сжатый кулак. – Куда хочу, туда верчу!

– Ты, атамане, им всех стругов-то не отдавай, – сказал однажды ему Васька Ус, – неровно нам занадобятся.

– Тоже нашел дурака! – отвечал ему Разин. – Я для себя девять стругов оставил, так и князю сказал: этих тебе и не видеть. Да нешто» Сокола» я отдам кому?

– То-то! – успокоился Ус.

А воеводы в свою очередь торопили мастеров с изготовлением легких речных стругов, на которых хотели отправить приятных, но и опасных гостей.

– Загостятся тут, еще беды не оберешься, – озабоченно говорил князь Прозоровский.

– И то, – соглашался князь Львов, – намедни на майдане кабак разбили. Пропьют все, грабить станут.

– На стрельцов плохая надежда!

– И не говори! – князь Львов махнул рукою и, понизив голос, сказал: – Крикни Стенька, и сейчас они все к нему.

– То-то! Скорей бы уж от них!..

Митрополит Иосиф дважды звал к себе воевод и говорил им с укором:

– Доколе еще у нас сия мерзость продлится? Пьянство, блуд, скоморошьи песни! Лики человечесьи утратили!

– Пожди, отче, малость. И то спешим! – отвечали они и шли на берег торопить мастеров, которые и без того старались. С раннего утра до позднего вечера стучали топоры, визжали пилы и друг за другом струги спускались на реку и тихо качались на волнах у буя.

Наконец князь Львов пришел к Прозоровскому и весело сказал:

– Ну, княже, все изготовлено! Хоть завтра в путь!

– Вот и ладно! Завтра не завтра, а снаряжать можно начать, – ответил Прозоровский и продолжал: – Недужится мне что-то сегодня. Съезди ты к ним в стан, княже, да скажи, чтобы грузиться начали. А там и с Богом!

– Я что же? Хоть сейчас!

– И с Богом, князь!

Львов спустился к пристани и на легком струге направился к казацкому стану. Не раз и один, и вдвоем с Прозоровским, и с казаками совершал он эту поездку и всегда, возвращаясь, и пьян был, и подарки вез. И теперь он ехал, посмеиваясь себе в бороду в предвкушении всех удовольствий.

– К атаманскому стругу правь! – приказал он гребцам, когда они подъехали к стану.

На небольшом островке пылали костры и подле них тол-

пились казаки, готовя себе пищу, а на воде вокруг, словно стая птиц, всеми цветами пестрели струги – и большие, парусные, и малые, весельные. Чутьочку поодоль от них высился знаменитый» Сокол», на корме которого непрерывно бражничал Стенька Разин.

И теперь, когда вошел князь Львов, у атамана шел пир горой. На шелковых подушках, откинувшись на такие же подушки, сидела девушка, красоты необыкновенной, дочь несчастного персидского хана Менеды, которую забрал себе в любовницы Стенька Разин.

Сам он сидел подле нее в одной рубахе и портах, на голове его красовалась шапка с алым верхом, а на плечах висела небрежно накинутая драгоценная шуба. Была она великолепная, соболья, крытая бесценным персидским златоглавом.

Вокруг Разина за столом сидели его есаулы и пили мед и вино, шумно беседуя.

– Добро, добро! – закричал Разин, издали завидя Львова и не поднимаясь даже с места. – Садись, гость будешь! Сюда садись! – он принял саблю, которая лежала подле него, и указал князю место.

– Чару ему, братики! – приказал он и заговорил: – Чем поштовать, горилкой? Али прямо с меду начнешь? Тут у нас добрый есть!

– Давай хоть меду, Степан Тимофеевич!

Князь взял чару, поклонился всем и выпил.

– Добрый мед!

– Чего лучше. Воевода на Яике для себя варил, а мы пьем да его поминаем: это добрый воеводский мед! – со смехом сказал Васька Ус.

Князь поморщился.

– А я к вам, добрые люди, с весточкою!

– Али струги готовы? – быстро спросил его Разин.

– Готовы! – ответил князь. – Пришел просить вас. Возьмите их да, с Богом, и грузитесь. Нам свои ослобоните. Да чтобы немешкотно!

– Небойсь, – весело загалдели кругом, – не задержим! Стосковались по Дону!

– На доброй вести, князь, выпьем! – сказал Разин и, хлопнув чару, крепко обнял свою красавицу. – Эх, лебедушка, повидеашь ты мой курень! Посидишь в вишневом садочке!

– А жинка? – сказал Ус.

– А жинка в другом! Го – го – го!..

Князь Львов не сводил глаз с атаманской шубы, и чем дольше смотрел на нее, тем завистливее разгорался его взор и под конец от зависти даже под ложечкой засосало.

– Вот я тебе вести какие добрые привез, – заговорил он, – а ты меня ничем и не отдарить даже!

Разин лукаво усмехнулся:

– Эх, руки боярские! Чем же отдарить тебя, князь? Али мало с нас магарыча взял?

– Обычай такой, – ответил князь, – последнему дьяку да-

ют, не то что воеводе. Дай ты мне, Степан Тимофеевич, эту шубу!

Разин даже отшатнулся. Кругом сразу настала тишина, потом послышались тихие возгласы:

– Ишь, губа – не дура!

– Ох, волк его знаешь!

Разин насмешливо посмотрел на воеводу:

– Уж и жаден же ты, князь! Шубу ему?! Да такую шубу носить царю впору, а ты со своими лапами за ней тянешься!

Жадность затмила разум Львова.

– Дай, Степан Тимофеевич, тебе что, у тебя грабленное!

– А у тебя дареное будет? – с той же насмешкой спросил Разин. – Пей лучше!

Князь вспыхнул.

– Атаман, – сказал он ему угрожающе, – не след нами, воеводами, пренебрегать. Мы ведь на Москве все сделать можем: и доброе, и злое.

Разин почувствовал в его словах угрозу. Гнев сначала охватил его, но потом он словно смирился.

Быстро встав, он сбросил с себя шубу и кинул ее на руки Львову.

– Возьми, брат, шубу, – сказал он, сверкнув глазами, – только бы не было в ней шуму!

Львов дрожащими руками прижал к себе драгоценный подарок.

– Вот угодил, Степан Ти... – начал он радостно.

– Иди! – перебил его Стенька, стоя перед ним в одной рубахе. – Смотри, молодцы серчают!

Действительно, глаза всех устремились на князя со злобою, кулаки были сжаты. Князь торопливо кивнул всем и, путаясь в полах дорогой шубы, побежал со струга.

– Для чего ты, атаман, такие поблажки делаешь? – заговорили кругом.

– Пускай его! Все равно назад отберу, – с загадочной усмешкой ответил Разин и переменял разговор: – Вот что, братики, завтра чуть свет пересаживаться начнем, а послезавтра – и с Богом! А теперь пьем, братики! Закажи, Вася, струг отчалить, прокатимся! Хошь, моя лапушка? – обратился он к девушке. Та молча в ответ кивнула головою.

– Ну, ну!

Скоро струг всколыхнулся и медленно отошел от берега. Вода глухо зарокотала под кормою, и белая пена закрутилась по обе стороны.

– Пьем, что ли, напоследях, братики! Начнем с горилки! Разливай, Иваша! Эх, гуляй душа казацкая! Затянем песню, что ли! Ну, Вася!

Мы ни воры, ни разбойнички... —

затянул Васька Ус высоким тенором.

Стеньки Разина мы работнички, —

подтянули сидевшие за столом, а там и гребцы подтянули, и песня полилась свободная, широкая, как сама Волга.

Мы веслом махнем – корабль возьмем!

– Верно, детушки! – закричал опьяненный вином и песнею Разин и громко подтянул:

Кистенем махнем – караван собьем.

– Ох, верно!

А рукой махнем...

Стенька упал в подушки и обнял княжну. Шапка его слетела с головы, и густые волосы закрыли его лицо. Он отмахнул их нетерпеливым движением.

...девицу возьмем!.. —

окончилась и замерла песня, а с нею вместе и Стенька, прильнувший губами к щеке своей красавицы. Среди пьяных вдруг послышались голоса:

– Неправедно, атаман!

– Чего нас дразнишь?

Разин отшатнулся от девушки и мутным взором обвел кружок:

– О чем шумите? Что несправедливо?

– А то, – заговорил Ус, – что с девкой хоровадишься.

– Нам не велишь, а сам бабничаешь!

– Небось Кулябку велел за бабу утопить! – сказал Хло-

пов.

– Обабишься и нас покинешь. Ну ее!

Стенька Разин вскочил на ноги.

– А и ну ее вправду! – вскрикнул он и вдруг нагнулся, ухватил красавицу за косу и за ноги, взмахнул и бросил в Волгу.

Она пронзительно вскрикнула и с плеском упала в воду. Пораженные казаки подняли весла. Девушка кричала и боролась в воде, тяжелое платье несколько минут ее поддерживало, потом вдруг опустилось и потянуло за собою.

А Разин громко говорил, махая рукою:

– Гой ты, Волга – матушка, река великая! Много ты дала мне золота, серебра, много всякого добра! Оделила меня честью, славою, словно мать с отцом! А я еще ничем не благодарил тебя. На ж тебе красотку на подарочек!..

Он обернулся к своим есаулам:

– Ну, вот вам! Обабился атаман ваш, сучьи дети?

– Славно, батько! Нет лучше казака на всем свете! – закричали все пьяными голосами.

– Псы вы! – вдруг заорал Стенька во весь голос и, упав на подушки, закрыл голову руками.

– Пить! – прохрипел он через минуту.

На другой день с утра закипела работа у казаков. Одни торопливо разгружали свои струги, вытаскивая из них все добро на остров, другие осторожно отводили в сторону девять удержанных за собою стругов.

Тем временем воеводы сговаривались.

– Так отпустить их никак нельзя, – говорил Прозоровский, – я им напоследок слово скажу, а ты, князь?

– Уволь, князь, от проводов! И тебя одного довольно! – перебил его Львов.

– Чего так? Чай, и ты воевода, да еще войсковой начальник!

– Недужится мне, князь! – ответил Львов, который все еще боялся за свою дареную шубу.

– Ну, так ты человека сыщи их до Царицына проводить, а потом наказ напиши, чтоб до Паншина их стрельцы проводили.

– Это можно! Я Леонтия Плохово пошлю. Малый дошлый!

– Ну его так его! Расскажи, что ему делать надоть.

– Да что же? Проводить, да потом вернуться нам сказать.

А мы уж сами отпишемся.

– Ну и то, скажи ему!..

V

Ранним утром четвертого сентября астраханцы опять толпились по берегу Волги у пристани, на этот раз смотря на проводы удалых казаков. В толпе преобладали теперь ярыжки, бездомные и посадские.

Длинной лентою выравнились вдоль берега казацкие струги, и впереди всех, у самой пристани, атаманский «Сокол».

Стенька Разин, со всеми есаулами в дорогих нарядах, стоял без шапки на пристани, а воевода, князь Прозоровский, окруженный боярскими детьми, дьяками и приказными, важно, наставительно говорил ему:

– Помни же, атаман, царь милует до первой прорухи. Тогда уж и не жди пощады! Все попомнится! Иди со своими молодцами тихо да мирно, у городов не стой, бесчинств не чини, а ежели к тебе государевы людишки приставать станут, к себе не бери их. Нашего наказного не забижай, а слушай! Вот он тебя до Царицына проводит, жилец наш Леонтий Плохово. Сильно не пои его, чтоб разуму не лишился...

В синем армяке, в суконной шапке, высокий и статный, с черной окладистой бородою, вышел из толпы Плохово и стал обок Разина.

Тот исподлобья взглянул на него и усмехнулся.

– В мамушки к нам, выходит! – сказал он. – Что ж, милости просим!

– Так помни, атаман, – еще раз наставительно произнес князь – воевода, – а теперь – с Богом!

Он протянул руку, думая, что Разин поцелует ее, но Разин только тряхнул головою и сказал:

– Благодарим за хлеб, за соль! Коли в чем я али мои молодцы провинились, не осуди, князь! – и, надев шапку, он махнул своим есаулам.

Все ватагою взошли на струг.

Князь гневно посмотрел им вслед и еще грознее оглянулся, когда услышал вокруг легкий смех.

А Стенька Разин стал на самую корму и, сняв шапку, зычным голосом сказал всей голытьбе, оставшейся на берегу:

– Бувайте здоровы, братики! Спасибо, что моими молодцами не брезговали, може, еще свидимся, дружбу помянем!

– Здоров будь, батюшка Степан Тимофеевич! – заревела толпа.

– Ворочайся, кормилец!

– Смирно вы, ослушники! – грозно закричал князь – воевода, но его голоса не было даже слышно.

– Отча-ли – вай! – разнеслось по реке.

Атаманский струг дрогнул, отделился от пристани и медленно пошел вверх, за ним длинной чередой потянулись казачьи струги.

Народ бросился бежать по берегу, провожая казаков.

– Прощайте, добры молодцы! Наезжайте еще! – кричали с берега.

– Нас не забывайте, други! – кричали со стругов.

– Бог вам в помочь, молодчики!

– Пути доброго!

Разин стоял на корме и низко кланялся, бормоча про себя:

«Эти не выдадут! Хоть сейчас зови!»

Мощная фигура его красовалась перед народом, медленно удаляясь. Вот уже алеет только его жупан. Последние искорки сверкнули на дорогом оружии, и струг скрылся в туманной дали.

А казачьи струги все плыли и плыли. Народ провожал их уже глазами. Словно журавлиная станица слетела с места и тянулась по безбрежному небу...

Князь Прозоровский долго смотрел им вслед, прислушиваясь к крикам народа, потом вздохнул и, задумчиво качая головою, медленно пошел домой...

Словно покойника схоронили, – такая тишина наступила в Астрахани после отъезда молодцов.

VI

Непросыпное пьянство стояло на струге Разина. Засыпал удалой атаман за столом, просыпаясь, требовал водки и снова пил со своими есаулами, пока дрема не смыкала его очей.

– Пей, мамушка! – говорил он Плохово.

– Невмоготу, атаман!

– Пей, вражий сын, не то силой волью!

– Опомнись, атаман, я от воевод послан. Меня обидишь, их обидишь!

– К чертову батьке воевод твоих! – с гневом вскрикивал Разин. – Не поминай ты мне про них лучше! – и испуганный Плохово тотчас умолкал и через силу тянул водку.

– Атаман, – сказал ему Васька Ус однажды, вбегая на палубу, – помилуй! Сейчас провезли в Астрахань тех стрельцов, что в Яике к нам отложились. Негоже это!

– Негоже! – подтвердил Стенька. – Эй, Иваша, нагони их, собак, накажи сотникам ко мне идтить.

– Что ты делаешь, атаман? – испуганно закричал Плохово. – Ведь их воеводы забрать велели!

– Молчи, пока жив! – угрюмо сказал Стенька.

Спустя часа три на палубу вошли дрожащие сотники.

– Вы что, псы, делаете? – набросился на них Стенька. – Молодцы мне верой служили, а вы их, как колодников, воеводам на суд везете? Вот я вас! Веревку!

– Смилуйся, государь! – завыли сотники, бросаясь на колени. – Их охотою! Мы не неволим их! Не хотят, пусть ворочаются. Нам что до них! Мы тебе, батюшка, еще три ведра водки везли, а не то что супротивничать!

Лицо Стеньки сразу озарилось улыбкой.

– А добрая водка?

– Монастырская, государь!

– Ну, ну, волочите ее ко мне! – уже милостиво сказал Разин и прибавил: – А стрельцам скажите, которые неволей едут, пусть ко мне ворочаются!

Не помня себя от радости, вернулись на свои струги сотники и послали тотчас водку Разину. Он созвал своих есаулов:

– А ну, братья, посмакуем государеву водку!

Толпа стрельцов перебежала к нему. Плохово возмутился.

– Побойся Бога, атаман! – сказал он ему. – Скоро ты забыл государеву милость. Прогони назад беглых служилых людей!

Степан грозно взглянул на него, но потом только засмеялся.

– Эх, мамушка, николи у казаков так не водится, чтобы беглых выдавать. Хочет уйти – уйди, а гнать – ни Боже мой!

Плохово только чесал в затылке. Не указывать Разину, а только бы свою шкуру уберечь! И он вздохнул с облегчением, когда завидел Царицын.

– Ну, прощенья просим, атаман! – сказал он ему, когда причалили к городской пристани. – Теперь тебя стрельцы да-

лее проводят.

– Стрельцы?! – Разин даже взялся за саблю. – Да в уме ли ты, малый? Мы твоих стрельцов живо окрестим, а тебя за одни речи вон куда вялиться подвесим! – и он указал ему на верхушку мачты.

Плохово попятился.

– Там твое дело, атаман. Прощенья спросим!

– Иди, иди, матушка! Поклонись воеводам. Скажи, навредить их думаю! Пусть князь-то Львов шубу побережет!

Плохово быстро сбежал на берег и едва не был сброшен в воду толпою, которая торопливо шла к атаманскому стругу.

– Что за люди? – спросил их Разин, стоя на сходнях.

– Чумаки с Дону! – ответили из толпы и загудели:

– Смилуйся, Степан Тимофеевич!

– От воеводы теснение! Заступись!

– Стой, – закричал Разин, – говорите толком! Что надо?

Из толпы выступил здоровый казак с длинными усами и низко поклонился Разину:

– Чумаки мы, батюшка Степан Тимофеевич! Ездим сюда за солью, – а воевода туто теснит нас. Заступись, родимый! Помилуй, дерет с нас, бисов сын, с дуги по алтыну!

– А у меня коня отнял! – закричал голос из толпы.

– А у меня хомут и сани!

– У меня пищаль!

– Ах он сучий сын, – заревел Стенька Разин, – стойте, братики, уж я его!

Он выхватил саблю и бросился бегом, без шапки, в город. Есаулы устремились за ним, казаки тоже.

Царицынский воевода Уньковский сидел в приказной избе и говорил с Плохово, когда вдруг распахнулась дверь, в избу влетел Разин и ухватил воеводу за бороду.

– Такой-то ты царский слуга! – закричал он. – Вас царь на защиту садит, а вы что разбойники! Постой, воевода, песий сын!

– Батюшка! Милостивец! – завыл воевода. Плохово от страха лег под лавку, а Разин, дергая воеводу за бороду, кричал:

– Чумаков грабить? Врешь! Сейчас, вражий сын, полезай в казну, плати за обиды! Давай сто рублей! Ну!

– Бороду-то отпусти, милостивец! – взволновался воевода.

– Оборвать бы ее тебе!

Разин разжал руку. Воевода, дрожа от страха, подошел к укладке и, шепча молитвы, вынул оттуда мешок с деньгами.

– Вот тебе, атаман! – промолвил он, дрожа от страха.

– То-то! – с усмешкой сказал Разин, беря мешок, и, сжав кулак, грозно прибавил: – Смотри ж ты, воевода! Если услышу я, что ты будешь обирать и теснить чумаков наших, что за солью приедут, да отнимать у них пищали и коней, да с дуги деньги брать – я тебя живого не оставлю! Слышишь?

– Слышу, милостивец! – еле живой от страха пробормотал воевода.

Разин вышел и отдал мешок казакам.

– Поделите каждый по обиде своей! – сказал он чумакам.

– Спасибо тебе, батько!

– Не на чем!..

Плохово вылез из-под лавки и встряхнул полуживого воеводу:

– Боярин, где бы схорониться, пока эти черти не уедут?

Боярин растерянно оглянулся:

– Вот и негде. Везде сыщут! Свои выдадут.

– Запремся тогда!

– Вот это дело!

Они позвали к себе на оборону десяток стрельцов и крепко заперли дубовые ворота и двери приказной избы.

Разин, еще кипя гневом, возвращался на струг, когда к нему подбежали его молодцы.

– Смилуйся, батько! – загалдели они. – Что ж это за напасть! Слышь, воевода велел по кружалам вдвадорога вино продавать. Можно нам без вина разве?!

– А – а! – заревел не своим голосом Стенька. – Бей кружалы, молодчики! Идем в приказ! Ну уж я его!

Запертые ворота довели его до бешенства.

– Бей! Ломай! – кричал он, хмелея от крика. Огромным бревном выбили ворота, потом двери избы, но воевода и Плохово успели скрыться.

– Убью! Зарежу! – рычал Стенька и, обнажив саблю, метался по городу.

– Откройте тюрьму, братики, – решил он наконец в злобе, – пусть за нас колоднички расплатятся.

А тем временем казаки разбили кружалы, выкатили бочки – и началось пьянство. Ярыжки тотчас пристали к ним; колодники с ревом побежали по городу, и жители в ужасе заперлись в своих домах.

Уньковский и Плохово засыпали себя навозом и лежали там ни живы ни мертвы от страха.

«Вот тебе и царю повинулся!» – в паническом страхе думал Плохово и читал молитвы...

Почти ночью вернулся пьяный Разин на свой струг, и за ним тянулась ватага.

– Атаман, а атаман, – сказал ему Ванька Хохлов, – ты не сердись!

– А што?

– Наши пошалили малость!

– А што?

– Да вишь, две кошмы верхом шли. Наши-то пошарпали их. Слышь, сотника взяли, с царской грамотой. Его повесили, грамоту в воду бросили.

– Айда! – весело ответил Стенька. – Люблю! Сорвалось у них, да что ж, коли воеводы сами задирничают...

– А еще...

– Ну!

– Немчин тут объявился. Слышь, бает, от воевод астраханских.

Разин сразу протрезвел. Уж не погоня ли?

– Волоки его сюда!

Он тяжело опустился на вязку канатов, и почти тотчас к нему подвели длинного, сухого немца. Испуганное лицо его было все усеяно веснушками, острый нос краснел на самом кончике, жиденькая рыжая бородака тряслась от страха, и вся фигура его, в длинном кафтане, в чулках и башмаках на тонких, как жерди, ногах, была уморительно – потешна.

Разин окинул его быстрым взглядом.

– Кто будешь?

– Я? Видерос! Карл Видерос! Я для вас струги делал!

– Сорочье яйцо ты. Вот ты кто! Зачем послан?

– Воеводы прислали! Я не сам. Иди, говорят, и скажи этому супост...

– Что – о? – грозно окрикнул Разин.

– Этому доброму человеку, – поправился немец, – чтобы он сейчас по нашему приказу всех приставших людей в Астрахань воротил. Не то худо будет. Царь уж не помилует!..

– Ах ты пес! – закричал Разин, выхватывая саблю. – Суций ты сын! Как ты смеешь мне такие речи говорить. Я тебя!

– Ай! – завизжал немец и упал на палубу.

– Подымите его! – приказал Разин, весь дрожа от гнева. – Держите да встряхивайте!

Два дюжих казака подняли за шиворот немца и время от времени встряхивали его, как мешок, а Разин, сверкая распаленными от гнева глазами, кричал, махая перед его носом

саблею:

– Ладно! Ладно! Воеводы мне смеют приказы слать, немилостью грозить! Скажи, что Разин не боится ни воеводы, ни кого повыше его! Заруби себе!.. Пожди: я с ними еще свижусь! Тогда будет расчет! Дураки, остолопы, трусы! Теперь у них сила, они и нос дерут. Небось, возьмет и наша верх. Я на совесть с вашими свиньями расплачусь. Покажу, как меня без почета принимать. В ноги поклонятся!.. Да!.. Дайте ему взащей!.. – вдруг прервал он свою речь, тяжело переводя дух. Немец кубарем полетел на берег и не помня себя помчался по улице.

– От – ча-ли – вай! – прокатилась команда.

Струги поплыли дальше, а Стенька Разин, злобно сверкая глазами, все еще сжимал кулаки.

В воеводской избе, в Астрахани, с унылыми лицами сидели Прозоровский и Львов и только тяжело вздыхали.

– Принес повинную! На тебе! – с горькой усмешкой произносил время от времени Прозоровский, а Львов только разводил руками.

Поначалу, прибежал к ним стрелецкий голова и поведал о встрече с Разиным.

– Сотников чуть не повесил. Воевод поносил. Полсотни к себе молодцов сманил!

Воеводы тотчас послали Видероса, но когда вернулся он да Плохово да купцы с разбитых стругов да услышали они их рассказы, у воевод и руки опустились, и головы затряслись.

– Ох, не знаю, как и на Москву отписать! – вздыхал Прозоровский.

– Выпускать не надо было!

– Выпускать! – передразнил Прозоровский. – Шубу брать не надо было! С нее все и пошло.

Львов даже вздрогнул:

– Уж и не поминай ты ее!

– Не поминай! Он помянет!

– Надо в Москву отписывать. Пусть войско пришлют! Стрельцы тутошние не защита!

– Эх, горе, горе! – вздыхал Прозоровский, и сердце его болело злым предчувствием.

Часть вторая

I

Апреля десятого 1670 года левым берегом реки Волги, верстах в ста от Саратова, ехали два всадника. Один был лет двадцати трех, другому можно было дать лет тридцать во семь.

Первый был одет в суконную чугу вишневого цвета до колен, с рукавами до кистей рук, на которую была наброшена легкая сетчатая кольчуга; широкий пояс из полосатой материи черного, синего и алого цветов обхватывал его стан; за поясом были заткнуты кинжал и пистолет, а на левой стороне, на серебряной цепи была пристегнута короткая сабля. Подол чуги был окаймлен широкой желтой полосой, и из-под него виднелись штаны желтого цвета, заправленные в зеленые сапоги. Впрочем, они были зелеными, а теперь от грязи да пыли приобрели темный бурый цвет. На голове его сидел легкий налобник со стрелкой над переносьем. За широким седлом, состоявшим из высокой красной луки, алого чепрака и желтой подушки, была увязана бурка из верблюжьей шерсти, впереди же между лукой и всадником было прикреплено ружье поперек седла; с правой стороны, прикрепленный к луке, болтался мешок с пороховницей, с ле-

вой висела медная сулейка. Так как было рано и роса еще белой пеленою лежала на траве, то на всаднике накинут был опашень зеленого сукна, рукава которого спускались ниже стремян. Когда становилось теплее, он сбрасывал опашень и приторачивал его к бурке.

Конь его тоже был разукрашен. Сбруя вся была покрыта серебряными бляшками, ремни под мордой были окованы серебром, и подле ушей коня висело по два бубенчика, звон которых разносился далеко по свежему утреннему воздуху.

Другой всадник, ехавший позади первого, был одет много проще. На нем был зеленый кафтан, поверх которого надеты были кожаные латы, на голове его простой войлочный колпак, за спиною саадак со стрелами и лук, за поясом огромный нож, а сбоку длинный меч. Позади его простого седла без подушки был привязан большой кожаный мешок, а с боков седла висело тоже по мешку. Конь его был крепок, но не породист, и сбруя на нем была из простого сыромятного ремня.

Первый был молодой князь Алексей Петрович Прилуков, ехавший из Астрахани в Казань, исполнив государево поручение; второй – его слуга. Звали его Степан Кротков, но прозвали почему-то Дышлом, и он так и жил уже под этим именем.

Возвращаясь домой, князь хотел навестить своего друга, Сергея Лукоперова, с которым служил вместе в Казани и который уехал на побывку к отцу в именье, что под Саратовом.

Первым заговорил слуга:

– Этак мы, князь, и вовек не найдем его. Мало ли местов под Саратовом! Бродим, бродим... теперь уже где бы были!..

– Молчи, Дышло, дурья твоя голова. Ведь сказано – подле Широкой. А Широкая-то, вон она! Видишь?

Действительно, верстах в шести от них, словно серебряная лента, вилась речка.

– А Широкая-то, може, пятьдесят верст тянется! – ворчал слуга.

– Ну, ну! И пятьдесят верст сделаем. Нам не к спеху. Дело свое справили! Гляди-ка, вон и душа живая! Покличь-ка!

К реке по степи с веселым ржанием бежал табун лошадей, позади которого виднелись табунщики.

– Эгой! Го – го – го! – закричал Дышло, махая своим войлочным колпаком. Голос его покрыл собою даже конское ржание, и табунщики оглянулись. Один из них, в синей рубахе, красных портах из домотканой материи, лаптях и войлочной шапке, с длинной крючковатой палкой, отделился от прочих и подбежал к всадникам. Увидев господина, он тотчас сдернул свою шапку и открыл загорелое, красное, как кирпич, лицо.

– Скажи, друже, – спросил его Дышло, – не ведаешь ли, где тут Лукоперов живет. Баяют, тута где-то!

Табунщик осклабился и обнажил белые, крепкие, как у волка, зубы.

– А тута и есть! – отвечал он. – Он наш господин!

– Вот так здорово! – радостно воскликнул Дышло. – А далеко до его усадьбы?

– Не, близехонько! Верст десять, – отвечал табунщик, – теперь вы до речки доезжайте и потом влево, да все бережком, бережком! Тут горушка будет, а на ней и усадьба!

– Спасибо, друже! – сказал Дышло, трогая коня.

– А скажи, ты не знаешь, – спросил его князь, – Сергей Лукоперов в усадьбе?

– В усадьбе, государь! – ответил табунщик. – Я вчерась оттуда. И Иван Федорович, и Сергей Иванович, и Наталья Ивановна – все в усадьбе!

Всадники подогнали коней и на рысях поехали берегом реки Широкой.

Они ехали уже с добрый час, а ни горушки, ни усадьбы все не было видно.

– Вот так здорово! – ворчал Дышло. – Ишь ты, почитай, пятнадцать отмахали, а хоть бы что!

Князь засмеялся:

– И нетерпелив ты, прости Господи. Ведомо, что их версты баба клюкой мерила, да, не домеривши, бросила!

Солнце уже начало припекать. Князь сбросил опашень, и спустил коня по отлогому берегу попить воды.

Напоив коней, они снова поскакали и скоро увидели и горушку, и усадьбу, что громоздилась по скату холма, словно городище. Высокий частокол неровными зубцами окружал ее со всех сторон, то опускаясь, то поднимаясь, то выступая

углом вперед, то уходя вглубь. За ним виднелись крыши, то соломенные, то тесовые, и среди них высокая крыша с разукрашенным коньком и таким высоким крыльцом, что было видно издали.

Князь проехал еще с версту и вдруг осадил коня, словно испуганный. Но не таков он был, чтобы легко пугаться. Дышло остановился тоже и с недоумением взглянул на князя, но тот молча и строго указал перед собою рукой.

Дышло взглянул и ничего особенного не увидел.

Саженьях в ста две девушки рвали цветы и плели из них венок, причем их голоса и раскатистый смех далеко звенели по воздуху.

Но князю одна из них показалась неземным видением. Не девушку он видел, а мечту, и сердце его забилося, словно птица в силке. Век бы он стоял неподвижно и смотрел на эту девушку, всю в цветах, облитую ярким весенним солнцем.

Но девушка обернулась в его сторону, вскрикнула пронзительно, увидев всадников, и легче серны бросилась бежать к усадьбе. Другая побросала цветы и, не переставая визжать, побежала за первой.

Князь усмехнулся и шагом поехал за ними следом.

Скоро они подъехали к закрытым воротам. Над воротами высилась башенка, в стене которой был вделан большой образ Богородицы с лампадкою на железной подставе.

– Иди во двор, – сказал князь, – скажи, чтобы открыли, а я тут пожду!

Дышло послушно сошел с лошади, привязал ее к кольцу у столба при воротах и осторожно вошел в калитку.

Во дворе тотчас раздался оглушительный собачий лай.

– Вот так здорово! – послышался возглас Дышла и следом за ним собачий визг.

Князь терпеливо ждал, не сходя с коня. Наконец послышались голоса и ворота со скрипом раскрылись. Князь въехал на широкий двор к самому крыльцу и собирался уже слезать, когда на верху крыльца показался сам Сергей, красивый мужчина с русою бородою и живыми серыми глазами. Одет он был в кумачовую рубаху и льняные штаны, на плечах его был накинута легкий армяк.

– Князь! Алеша! – закричал он удивленно и радостно и, сбросив армяк, быстро сбежал вниз. – Я-то думал, что за гость ко мне!

Князь быстро сошел с коня, и друзья крепко обнялись.

– Не чаял не гадал, – сказал весело князь, – да вышло по пути. Дай, думаю, загляну!

– По пути, – проворчал Дышло, держа в поводу коней, – верст сто плутали!

– Ну и порадовал ты меня зато! Идем, идем в горницу, – радостно говорил Сергей, таща гостя по лестнице, – я тебя с батюшкой познакомлю, с сестренкой! Погостишь малость!

При словах Сергея князь невольно вспыхнул и весело подумал: «Судьба, видно!»

На площадке крыльца Сергей вдруг обернулся.

– Эй, вы! – закричал он челяди, что раньше без дела слонялась по двору, а теперь с любопытством смотрела на гостя и тихонько шушукалась. – Возьмите этого человека на кухню! Да смотрите, чтоб ни в чем ему утеснения не было! Идем, идем, княже! – обняв стан своего гостя, сказал Сергей, и они вошли в крыльцо и широкие сени.

II

В 1618 году, когда под Москву шел Сагайдачный, а Владислав, король польский, тайно задумал в ночь под Покрова взять нечаянным нападением престольный град, как известно, царь и бояре с москвичами, предупрежденные о тайном замысле поляков, успели отбить страшный приступ и побить лихо врага. В память этого события и ценя заслуги всех участвовавших в кровавой битве, царь Михаил Феодорович наградил каждого по его званию и чину.

У Чертольских ворот, между прочим, в отряде воеводы Головина более всех силою, удалю и неутомимостью отличился боярский сын Федор Лукоперов. Государь наградил его за то не в пример прочим. Он произвел его в дворяне и дал, кроме того, ему место по низовью Волги под Саратовом. По указу назначено ему было земли» шестьсот четей в поле» и, кроме того, копен триста сена и леса с другими обща по-верстно.

Лукоперов, не долго думая, продал свое небогатое имущество, забрал жену, благо их было двое, и пошел в Саратов. Там ждали с жалованной грамотой еще несколько человек, ушедших из Корелы после Столбовского мира. Саратовский воевода по разверстке назначил Лукоперова вместе с Пауком, Жировым, Акинфиевым и Чуксановым селиться по реке Широкой.

У Лукоперова был самый большой нарез, и потому он встал над другими головою.

Отметили они себе усадьбы, разделили землю и лес и начали строить себе дома.

Повалили к ним охотники селиться. Один за другим приходили к ним бездомные, бобыли и бобылки, захребетники и всякий сбродный люд, разоренный в страшные годы Смутного времени.

Одни отдавались в крестьяне, другие в холопы, иные в бобыли, иные записывались в кабалу, и мало – помалу между усадьбами появились деревеньки, а усадебные дворы наполнились челядью.

Прожив на новоселье лет пятнадцать, Федор Лукоперов успел разбогатеть, выстроил церковь и преставился, оставив после себя вдову и сына Ивана. По смерти матери своей Иван Федорович женился и весь отдался хозяйству, приумножая свое богатство и скупая у ленивых соседей землю.

Так на его уже памяти совсем разорился дворянин Чуксанов, оставив сыну усадьбишку да не больше полста холопов.

Мирное время помогало его преуспеяниям. Больших войн не было, и дальних помещиков не тревожили службою.

Иван Федорович рано овдовел, второй раз жениться не захотел и вырастил себе на утеху дочку Наталью, ко времени нашего рассказа красавицу семнадцати лет, и сына Сергея, двадцатидвухлетнего воина. Выросли они оба балованные, холеные и совершенно различных характеров. Сергей был

весь в своего деда. Пылкий, задорный и даже жестокий, он легко поддавался гневу, и холопы со страхом оглядывались, когда он проходил мимо. С ранних лет он отдался душою ратному делу. С охотою ходил на мордву и татарву, был в походе, когда Украина отделилась от царского скипетра и, наконец, поступил стрелецким сотником к казанскому воеводе, где и сдружился с князем Прилуковым.

Наталья же вся пошла в свою мать. Кроткая, любящая, она была мечтательного характера. Челядь ее обожала, сенные девушки не чаяли в ней души, и, несмотря на полную волю, которую давал ей отец, она ни в чем не преступала его воли. Только одна была у нее от отца тайна, тайна девичьего сердца.

Полюбила она соседа, дворянского сына Чуксанова, да полюбила себе не на радость. Не то беда, что он беден, а то, что нрава он был буйного, неукротимого и всегда враждовал со своими соседями. Ко всему отцы их враждовали, и вражда была настолько сильна, что старик Лукоперов, по смерти Чуксанова, перенес ненависть свою на его сына; да еще горше того, Сергей встретил однажды у околицы молодого Чуксанова и они подрались тогда насмерть.

Ничто, таким образом, не сулило счастья Наталье, и, может быть, поэтому любовь ее к Василию разгоралась сильнее и жарче. Казался он ей всеми обиженным, бедным сиротою, и сердце ее распялялось жалостью, когда она думала об его одинокой, несчастливой жизни.

Такова была семья, в которую приехал князь Прилуков. Сергей ввел его в горницу, крича весело:

– Батюшка, батюшка, какой гость ко мне пожаловал!

На его голос из смежной горницы вышел невысокого роста старик, с длинной поседевшей бородою и совсем лысой головой, с добрыми моргающими глазками на маленьком лице, посредине которого гвоздем торчал тонкий нос.

Князь помолился на иконы и низко поклонился старику.

– Это, батюшка, мой ратный товарищ, князь Алексей Петрович Прилуков. Говорил я тебе про него, – весело сказал Сергей.

– Как же, как же, прослышан, – так же весело ответил старик. – Здравствуй, князь! Позволь, поцелуемся! – и он троекратно поцеловал высокого князя, для чего поднялся совсем на носки, а тот согнулся почти вдвое.

– Чем же поштовать тебя с дороги? Сережа, надо ему, по старому обычаю, чарочку настоячки поднести. Чудесная у нас есть! Скажи Наташе: пусть вынесет!

Сергей вышел, ласково кивнув князю головою, а старик, оставшись с князем, заговорил:

– Садись, княже! В ногах правды нет, ха – ха – ха! Как же это попал ты из Казани в глушину такую? Али сынка мово проведать захотел?

Князь опустился на лавку, после того как сел старик, и ответил:

– Ненароком, государь! Был с посылом к воеводам в Сим-

бирск, Саратов, Царицын, Астрахань. Назад едучи и забрел!

– Та – ак! – протянул старик, и глазки его загорелись любовью. – А с каким же это посылом, княже? Али война с поляками?

– Царские указы вез. Поначалу их царский окольный вез, князь Теряев, да в Казани и заболел. Князь-то Петр Семенович тогда меня спосылал!

– Царские? – протянул старик, совсем склонив голову набок. – Скажи на милость! А с чем же они?

Князь собрался уже подробно ответить, как дверь отворилась, и вошел Сергей, говоря на ходу кому-то:

– Да иди, иди, глупая! Не бойсь! Это мой приятель!

Князь вздрогнул и быстро поднялся со скамьи.

– Доченька моя! – сказал нежно старик князю, и при этих словах Наталья вошла в горницу с подносом в руках, на котором стоял золоченый кубок, и с ручником через руку.

Это была та самая девушка, которую видел князь на лугу, и второй раз сердце его забило, и ему показалось, что перед ним опять виденье.

Она была действительно прекрасна. Круглое личико ее с большими, словно удивленными, серыми глазами, с ярким румянцем во всю щеку, с темными бровями и тонким, словно точеным носом, казалось словно рисованным. Высокая, стройная, с темной каштановой косою до колен, она стояла потупясь перед князем и говорила:

– Откушай, князь, с дороги.

Князь протянул дрожащую руку к кубку и разом осушил его, но закончить обряда у него не хватило духа, и вместо поцелуя он только поясню поклонился ей. Она ответила ему тем же и быстро скрылась, словно истаяла в воздухе.

Старик заметил произведенное дочкою на князя впечатление и горделиво улыбнулся.

– Ну, а теперь и на покой иди! – ласково сказал князю Сергей. – Я от твоего человека услышал, что ночью ехали. Заморился! Иди, иди! К обеду подбужу тебя!

– Иди, княже, – сказал и старик, подымаясь с лавки, – а я пойду к кухарю, а то тебя с дороги и не накормишь как следует!

– В горницах-то жарко будет, я тебя в повалушу.

Сергей свел князя в маленькую пристройку к задним сеним, состоящую из горенки с двумя слюдовыми оконцами. Стены ее были тесовые, чисто струганные. В углу висели два образа. Прямо от двери вылезала печка с лежанкой, а за нею тянулась по стене широкая скамья с изголовьем.

Теперь на нее были положены пуховики и поверх них ковер с вышитыми пестрыми птицами.

– Вот тут и засни, – сказал Сергей, – а я пока что в поле съезжу.

– Спасибо, друг! – ответил князь. – Придешь будить, пошли ко мне моего слугу. Накажи, чтобы с тороками пришел.

– Ладно! Спи!

Сергей ушел, а князь распоясался, сложил на стол оружие,

снял кольчугу и чугу, разул ноги и с наслаждением вытянулся на скамье. Сон охватил его сразу, и скоро повалуша огласилась богатырским храпом.

Спал князь, а во сне стояла перед ним Наталья. Стояла она перед ним бледная, печальная и, протягивая руки, говорила: «Спаси меня!» – «От кого, голубка?» – спрашивал он. «От лихого злодея!» «И в тот же миг кто-то ухватил ее сзади. Князь бросился на него, и они схватились. Князь не видел его лица, но слышал его дыхание, глаза его горели и жгли его, словно огнем, рука давила ему горло, а Наталья, заломив руки, кричала: «Милый, оставь его! Он убьет тебя!» Князь рвался и не мог вырваться из рук злодея.

Он проснулся от толчков в плечо и не сразу пришел в себя. – Очнись! – ласково говорил ему Сергей. – Что это тебе пригрезилось? Кричишь ажно на весь двор!

– Гадкий сон снился! – ответил князь, вставая. – А где мой слуга?

– Идет! Ты пока што оденешься, а я в минуту оборочусь! Сергей ушел, и его сменил Дышло. Он принес с собою и большой кожаный, и малый холщовой мешки.

– Вот так здорово! – заговорил он, весело улыбаясь. – К добрым господам попали! Это не у воевод!

– А што?

– Што? У воевод-то у меня с их угощения только животы подводило, а тут – на! И рыбы тебе, и пирогов, и хлебава! А пить! Пей – не хочу! Вот как.

Говоря это, он развязал мешки и помог князю одеться. Князь надел зеленую шелковую рубашку с золотыми запонками на вороту и поверх легкий армяк; желтые атласные штаны и зеленые сафьяновые сапоги довершили его наряд, и он стягивал шелковый опоясок, когда за ним пришел Сергей.

– Идем, идем! Батюшка и то заждался!

Они вошли в ту же горницу, где теперь стоял накрытый и уставленный сулеями и кубками стол. Старик торопливо помолился на образа и захолопал в ладоши. Слуги стали вносить кушанья. Сначала принесли супы: ботвинью со свежей белорыбицей, уху и суп с ушками – и всего должен был отвезти князь.

– Ты на походе, – говорил старик, – где не доспишь, где не доешь. Кушай на милость!

Потом стали нести пироги с начинкой: из каши, из наливаемых печенок, из говядины, из луку. Потом принесли курицу с рисом, гуся с кашей, утку с яблоками, а там рыбу всякую и, наконец, поросенка, бараний бок и говядину.

Князь ел до изнеможения, а старик с сыном все уговаривали его еще покушать.

Наконец убрали кушанья, внесли варенья, оладьи и появились мед, вино и разные наливки.

Тогда старик обратился к князю:

– Что ж за наказы те, которые ты к воеводам возил? Война, што ли?

– Нет, про разбойника, казака Стеньку Разина. Слышь,

опять поднимается. Так чтобы вели себя сбережением, друг другу помощь правили.

– С нами крестная сила! – воскликнул старик, крестясь. – Да неужто опять?

– Ох, не дай Бог! Помню тогда, лета три назад, его тут опасались мы. Сколько страхов было, и не приведи Бог!

– Чего три года! – сказал князь. – Тогда он без силы был. А вот всего год, как он в Астрахани был, воеводам повинную принес, а те возьми да его со всеми, почитай, стругами да молодцами на Дон отпустили. Чего со стругами! Пушки ему оставили, казны не отняли. Он ушел да сейчас две кошмы и разбил. Я им государеву грамоту возил: корит он их в небрежении. А они: завсегда, говорит, так делают, коли повинится кто! Завсегда! – разгорячился князь. – Да ты знай с кем. На то ты воевода. Упустили его, теперь лови! А с Дону отписывают, что великую силу собирает на Волгу идти! Народ мутит!

– Вот, вот! – закивал старик головою. – А наемни мимо нас нищие проходили, так все про его песни пели, а потом, глядь, холоп мне и говорит: недолго вам над нами коряжиться. Придет уже наш батюшка.

– Ну, – я и показал ему» батюшку»! – засмеялся Сергей. – Спину-то в кашу обратил! Попомнит!

– Тяжело будет! – вздохнул старик. – Народ-то по Волге все сбродный, вольница! Беды!..

– Ну, теперь воеводы насторожатся, – успокоил его князь, – отпор дадут.

– Кабы дали, – с усмешкой сказал Сергей, – взять хоть бы нашего. Боров боровом! Куда ему воевать?

– Ох, беды, беды! – повторил старик и, поклонившись, ушел к себе спать.

Скоро в доме все спали. А вечером сели за ужин, и опять пошли те же беседы про холопов и Стеньку Разина.

Потом снова полегли все спать уже на ночь.

Тихая ночь спустилась над усадьбою Лукоперова.

Сторожа уснули, собаки без толку лаяли, бегая по двору, а сзади усадебного дома через высокий частокол прямо в сад ловко и неслышно перелезал Василий Чуксанов, дворянский сын.

Знал он и куда лезет, и зачем, потому что, спрыгнув на землю, не обращая внимания на темноту ночи, прямо пошел по тропинке к малиннику и там, трижды прокричав совою, замер в ожидании.

Почти тотчас подле него появилась стройная фигура девушки, и он крепко сжал ее в своих объятиях.

– Сердце мое, рыбочка, здравствуй! – зашептал он. – Ну что, думала про меня?

– Думала, – тихо ответила Наталья, – сегодня в поле цветы рвала и все гадала: любишь, нет...

– А что вышло?

– Вышло, что любишь...

– Верно! Как душу люблю! – Василий снова обнял ее и поцеловал.

– Стой! – сказал он. – Слезы? О чем?

– Все о том же, Вася, – ответила, прижимаясь к нему, Наташа, – не на радость любимся. Ничего из этого не будет.

Лицо Василия угрюмо нахмурилось, но Наташа не видела его в темноте.

– Если правда любишь, уйдем! Я говорил тебе, – сказал он, – на Яик пойдем, на Дон. Там я хутор достану...

Наташа задрожала в его объятьях.

– Не могу, милый! Как подумаю, что бабушка за это проклясть может, так и сомлею от страха. Какое счастье, если умру когда, то и земля не примет!

– Бабы сказки, – с горечью сказал Василий, – не любишь. Так и скажи. Любо тебе вот ночью выходить, голову дурить...

– Вася! – в голосе Натальи послышались слезы. – Зачем ты это? Такая ли я?

– Ну, ну, прости, мое солнышко, – поспешно сказал Василий, – сердце у меня такое обидчивое. Сейчас и закипит. Верю тебе, верю... А все же больно, Наташа! Что я им сделал, чем я хуже других! Али что беден?..

– Тсс! Мил ты мне, Вася, и в бедности. Пожди! Знаешь...

– Ну?

– Вот уедет брат. Я бабушку улещать начну. Может, и примиритесь. Тогда легко будет.

– Примиритесь! Я-то не прочь, он мне худа не делал, а он-то...

– Его я упрошу. Пожди, Василий!

– Да тебя, моя радость, всю жизнь ждать буду! Без тебя уже нет для меня счастья...

Он опять обнял ее и начал целовать. Она зажмурилась и принимала его ласки.

– Как подумаю, что они тебя выдать могут за немилого, кровь во мне так, словно вода в колесе, и забьется. Думаю, всех убью, ее вызволю! – заговорил он опять.

Наталья горделиво усмехнулась:

– Ни за кого, кроме тебя, не выйду. В монастырь уйду лучше!

– То-то!.. К вам, слышь, гости приехали? – спросил он.

– К брату, – ответила. Наталья, – приятель. Князь, а как звать и не вспомню.

– Молодой? – уж ревниво спросил Василий.

– Молодой! Как Сережа.

– Может, свататься?

– Не! – Наталья уже засмеялась. – Пусты руки-то! Больно!

Василий тяжело перевел дух.

– Эх, Наташа, Наташа! Кабы ведала ты, как больно мне.

Иной прямо идет к вам, в очи тебе смотрит, шутку шутит, а я ровно тать! Собака залает, я уж дрожу, сторож крикнет – я в куст.

– Пожди, Васенька, – ласково сказала Наташа, глядя его по лицу рукою, – пожди! Все потом по – хорошему у нас будет!

– Дай-то Бог! – и они опять целовались.

На востоке показалась золотистая лента, потянуло холодом, и со всех сторон запели петухи, когда Василий полез назад через высокий тын, а Наталья прошмыгнула в свою светелку.

– Ой, уж и напугала ты меня, государыня! – сказала ее девушка, Паша. – Гляди, уже утро!

Наташа тихо улыбнулась.

– Говоришь, время-то и идет! – сказала она.

– А слышь, государыня, что я про гостя-то узнала, – заговорила Паша, садясь на полу подле кровати, на которую легла Наташа.

– Что?

– С им холоп едет. Забавник такой. Дышлом зовут. Так он рассказывал. Князь от... – начала она и разочарованно замолчала, смотря на Наташу.

– Ишь, и заснула! – пробормотала она удивленно и, пригнув к себе войлок, улеглась на полу и зевнула.

– Поди, целовалась, целовалась, – бормотала она, – как я с Митькой!

При этой мысли лицо ее расплылось в блаженную улыбку.

III

Князь Прилуков три дня прогостил у Лукоперовых и стал собираться в обратный путь. Хоть и приняли его радушно и ласково хозяева, но он под их кровлею только истерзал свое сердце. До сих пор он не знал любви, а тут сразу разгорелось его сердце пожаром, и не о чем он не мыслил, кроме сестры своего приятеля, а она, словно дразня его, ни разу даже не показала ему.

Сон оставил князя, и украдкой, словно вор, следил он за нею, когда после обеда спускалась она со своими девушками в сад и пела там песни или резвилась, бегая. Кругом все спали, и она, словно птица, выпущенная из клетки, беспечно резвилась, но лишь раздавался на дворе голос первого проснувшегося холопа, она тотчас стрелой мчалась в свою светлицу.

Старик говорил ему раза два:

– Хотел тебя с доченькой получше познакомиться, да, вишь, она у меня до чужого человека какая пугливая!

Князь только краснел при таких речах, ничего не отвечая.

«Бежать надобно, – думал он, – а то и вовсе головы лишишься!» Но, собираясь бежать, он уже оставлял здесь свое сердце.

– Так едешь, князь? – спрашивал его старик в день отъезда.

– Беспременно!

– Да ведь ты ввечеру? – спрашивал его Сергей. – По холodka-то куда, сподручнее!

– Ввечеру! Как солнце сядет, мы и поедем!

– Ну, ну! Я тебя хоть до табунов провожу!

– Спасибо!

Старик не знал, как и угостить князя на расставание, и когда тот переоделся опять в свою походную одежду и вышел проститься, старик заставил дочь свою выйти поднести прощальную чашу гостю.

Князь не мог сдержать своего молодого чувства и словно обжег Наталью взглядом. Она вспыхнула и потупилась:

– На дорожку, князь! Дай Бог тебе пути доброго!

– Спасибо, государыня!

Он выпил и низко поклонился.

– Князь, князь, – заговорил старик, – ты уж не обижай меня! Возьми чашу-то!

Князь стал отказываться, но старик настоял на своем.

– А теперь давай поцелуемся! По душе ты мне, князь, пришелся!

Князь горячо поцеловал старика.

– А вора не бояться?

– Не бойся, государь! Воеводы беречься будут! – улыбаясь, ответил князь.

Они вышли на крыльцо. Внизу уже стояли оседланные кони и князя дожидался Сергей. Он одет был теперь в сукон-

ный армяк, стянутый черкасским ременным поясом, в легкую шапку с собольим околышем, в черные штаны и сапоги из желтой кожи. За поясом у него был заткнут короткий меч, а на руке висела нагайка.

Старик еще раз поцеловал князя, благословил сына, и молодые люди, вскочив на коней, выехали из ворот в сопровождении Дышла, у которого мешки при седлах словно распухли от массы съестного, что по приказанию хозяина напихал ему господский дворецкий.

– Вот так здорово! – бормотал Дышло, улыбаясь во весь рот.

– Хорошо у вас! – заговорил князь, выезжая в поле. – Так бы и не уехал!

– Скучно только! – ответил Сергей. – Только и утеха что охота. Выедешь это в степи с соколом али собаками... ширь, простор!..

– Когда на Казань воротишься?

– На Казань-то? Да вот год отбуду – и назад. Батюшка жениться велит, невесту сватает, – и Сергей широко улыбнулся.

Князь вспыхнул и сказал:

– Что ж, доброе дело! Бери только по душе.

– А где ее сыскать? Я, княже, от девок-то сторонюсь. Ну их! Ежели и женюсь, так только для батюшки.

– Бог поможет, и слюбитесь.

– Так-то и я смекаю, хотя я лют, княже! Рассержусь – беда.

Князь ничего не ответил. В это время в его голове мельк-

нула мысль и стала созреть и крепнуть Он не выдержал наконец, сравнялся конь о конь с Сергеем и сказал ему:

– Слушай, Сергей Иванович, я слово молвлю!

Что-то торжественное прозвучало в его голосе, и Сергей быстро обернулся к нему:

– Молви, князь!

– Скажи по сердцу, по чистой правде, люб я тебе?

– Люб, княже! И мне, и батюшке моему!

– Так будь ты мне сватом, Сережа! – дрогнувшим голосом сказал князь. Сергей понял его и даже покраснел от удовольствия.

– За кого же сватать тебя? – спросил он, уже улыбаясь.

– За сестру твою, Сережа. Увидел я ее, и нет мне покоя! Знаю, не успокоюсь и теперь, доколе ты моему счастью не поможешь.

– Что же! Девка добрая, хоть и сестра. За нее вон недавно сам воевода сватался, да мы повернули его. А твоим сватовством честь нам делаешь!

– Так по рукам? – вспыхнув от радости, сказал князь.

– По рукам!

– Стой! Поцелуемся!

Они задержали коней и, обнявшись, крепко поцеловались.

– Уж как матушка-то моя обрадуется! Все-то она к себе невестку ждет. Вот и будет! – мечтательно произнес князь.

Они проехали верст тридцать.

– Стой! – сказал Сергей. – Тут тебе переправа, и все берегом по Волге поедешь, а я назад! Сделаем привал!

Они слезли с коней и, стреножив, пустили их.

Дышло развязал мешок, вытащил оттуда сулею с настойкой, провизию, а потом набрал у реки сухого тростника и запалил костер...

Теплая весенняя ночь раскинулась над степью.

Опрокинутое небо горело звездами. Кругом было тихо, тихо, только кричали в высокой траве звонкие дергачи.

– Благодать! – сказал Сергей, оглядываясь и вдыхая широкой грудью ароматный воздух.

– Так бы жил, жил и жил! – мечтательно произнес князь, думая о своей любви и обещании Сергея, а судьба готовила уже им горькие чаши.

Так неведомо для нас составляется книга жизни нашей, и нередко, когда мы думаем о наступившем счастье, над головою нашей разражается смертельный удар.

Друзья расстались и поехали каждый в свою сторону, думая свои думы.

У князя все мысли были полны Наташею, и он невольно заговорил с Дышлом, думая поделиться с ним переполнявшими его сердце чувствами.

– Ну что, не сердишься теперь, что сделал крюку? – спросил он его.

– Рад даже! – ответил Дышло. – Вот люди, княже! Рубашка!

– Так доволен?

– Как еще! И ты ешь, и ты пей, и девки кругом зубы скалят. Рай! Не то что у воевод этих. Нет чтобы угостить, а еще сами сорвать норовят!

– Кто ж тебе там понравился?

– Все!

– Дочку-то видал?

– Вот так здорово! Коли она сама в ину пору на кухню ходит, как же не видеть-то. Вот уж краля так краля! И умница, прости Бог.

Князь с улыбкою слушал его, и грубый голос Дышла казался ему теперь музыкой.

– Вот бы, княже, тебе жениться на ней. То-то матушка – княгиня была бы рада!

Князь весело рассмеялся.

– Пожди! Поженимся! – весело сказал он.

– Вот так здорово! – захохотал Дышло. – Ехали дружка навестить, ан подружку сыскали.

Князь улыбался и ни одной минуты не думал, что сам он Наташе, может быть, и не мил.

А Сергей тем временем, возвращаясь домой, думал о предложении князя и довольно улыбался.

«Чего еще лучше? Здесь, в глуши, разве может так сосвататься Наташа? С князем породниться, честь немалая! Только Наташа как? – и Сергей нахмурился. – Вдруг заупрямится. Ну, да уломать батюшка возьмется! А что до того, что

бают, любит она этого... оборвыша, ну так его!..» – и Сергей взмахнул нагайкой.

Конь рванулся и примчал его к усадьбе.

Сергей сошел и, взяв за узду коня, думал уже стучать в ворота, как вдруг в ночной тишине ему послышалось, будто кто скребется по тыну. Он быстро привязал коня и тихо пошел вдоль ограды.

Кто-то лез из сада. Сергей остановился и замер.

Вдруг человеческая фигура показалась на верху тына, скользнула и прыгнула на землю.

– Стой! – крикнул Сергей, бросаясь на человека и схватывая его.

– Пусти! – рванулся тот. Сергей вгляделся, и в миг у него помутился ум от ярости.

– Ты? – захрипел он. – Опять сестру порочить? Убью, стервец! – и он с силой ударил Чуксанова нагайкой.

Чуксанов задрожал от злости.

– Держись, коли так! – вскрикнул он и бросился на Сергея.

Они оба покатались по земле. Между ними завязалась борьба. Чуксанов оказался сильнее Сергея и навалился на него.

– За все! – хрипел он, тиская Сергея. Тот стал искать меч, но он выпал у него во время борьбы из-за пояса.

– Вор! Я затравлю тебя псами! – сказал злобно Сергей, выбиваясь из-под Василья, но тот снова навалился ему на грудь.

– Холопам велю палками заколотить, голь! – бранился Сергей. – Сермяжный дворянин!

– Я ж тебя!..

Брошенная плеть попалась под руку Чуксанова, и он не помня себя начал наносить удары Сергею. Сперва он бил его, не выпуская из рук, потом приподнялся и, видя, что Сергей лежит недвижим, стал опять наносить удары, пока не оборвал плети.

Бросив ее, он злобно засмеялся и быстро исчез в темноте ночи.

Он вернулся к себе домой, в небольшую усадьбу, обнесенную частоколом, и повалился, не раздеваясь, на лавку. Кровь еще бурлила в его жилах, и он, злобно усмехаясь, бормотал:

– Ничего, дворянская кровь! Будешь помнить Чуксанова! Я еще тебе всю усадьбу спалю! Пожди!

Но потом, подумав про Наташу, он схватился за голову руками и застонал.

– Голубушка ты моя! Рыбка златоперая! Да почему же нам на голову беды столько? Другие веселы и счастливы, и всего у них вдоволь, а у твоего Василия только горе да обиды! Лапушка ты моя, что я наделал? – и при этих мыслях ужас охватил его сердце.

Он торопливо встал и вышел из своей избы на двор. На этом дворе были все его владения. Несколько изб, в одной из которых он жил сам, были наполнены холопами, которых всего было человек сорок; несколько сараев, амбар да две

повалуши; позади изб небольшой сад – вот и все владение. Уже соседи подговаривались к нему:

– Продай! Что тебе в этом добре? А ты посреди как бельмо. Уйдешь под Курск, там хутор купишь, в казаки запишешься!

И давно бы сделал так Чуксанов, если бы не Наташа. Кровь бурлила в его сердце, богатырские плечи требовали работы, сам он горел воинским жаром, но Наташа полонила его, и он жил от ночи до ночи только короткими свиданьями с нею.

А теперь после этого уж не пробраться к ней! Да и чем это кончится?..

Он то приходил в отчаянье, то вдруг гнев охватывал его, и он, сжимая кулаки, грозил всему роду Лукоперовых.

IV

Утренняя роса освежила Сергея. Он открыл глаза, хотел приподняться и со стоном опрокинулся на траву. Боль вернула ему сознание. При мысли, что он избит Чуксановым, невероятная энергия овладела им, и он, забыв о боли, поднялся с земли и тихо, опираясь о бревно частокола, побрел к воротам, где, роя копытом землю, стоял его конь. Члены с трудом повиновались Сергею, на голове он чувствовал кровь, но мысль об обиде заглушала физические ощущения, и ему казалось, что он стогит в своем, теперь бессильном еще гневе.

– Но погоди! – лицо его искривилось злою усмешкою, при виде которой его холопы дрожали с головы до пяток.

Он стукнул в калитку. Брезжило уже утро и по двору сновала челядь.

Ему тотчас открыл калитку холоп Первунок и при виде крови, синяков и царапин всплеснул руками.

– Милостивец ты... – начал он и смущенно замолк, встретя взгляд Сергея.

– Возьми коня да сейчас пришли ко мне в повалушу Еремейку – знахаря. Живо!

И, не выдавая своих страданий, он кое-как добрался до повалуши и уже там со стоном упал на широкую скамью.

Почти тотчас вошел в горенку знахарь Еремейка. Высо-

кий, сухой старик с лохматой седой бородою, с жидкими косицами на голове и нахмуренными черными бровями, он появился на усадьбе лет тридцать тому назад и со смертью жены деда Лукоперова остался при усадьбе за знахаря. Ни один богатый помещик того времени не жил без своего, так сказать, домашнего врача и без своего домового священника, нередко из расстриг.

Еремейка этот умел варить целебные снадобья, знал корешки и травы, умел заговаривать зубную боль, потрясучку, а девки говорили про него, что он знает и привороты.

Сам он мало говорил о себе и любил уединение.

Лукоперов отвел ему на жилье старую упраздненную баню, и Еремейка жил в ней, увесив стены пучками трав и кореньев, заставив стол разными посудинами.

– Чего тебе? – спросил он угрюмо Сергея.

– Ой, помоги, Еремейка! Огляди! Да скорее, старый! Невмоготу терпеть!

Еремейка раздел его и медленно осмотрел его избитое тело, каждую косточку пробуя рукою, отчего Сергей корчился от боли.

– Знатно тебя, государь, отвозили! – сказал он.

Сергей сверкнул глазами.

– Лошадь, дурак, опрокинула. Ногами помяла!

– Ну, ну, – усмехнулся старик, – мне-то все едино, что конь копытом, что плетью али батогом. Косточки все целы. Не бойсь, завтра встанешь! Я вот пойду мази изготовлю! А

голова пустое. Так, царапина. О камень, видно! Пожди малость!

– Еремейка, – остановил его Сергей, – не завтра, а в эту ночь я должен на коня сесть, слышишь! Пособи, и я награжу тебя.

Старик проницательно посмотрел на него:

– Али мстить хочешь? От мести мало утехи!

– Не твое дело! – крикнул Сергей. – Иди и помни!

– То просит, то лается! – проворчал старик, уходя, а Сергей опрокинулся навзничь и забылся.

Старик вернулся через полчаса в сопровождении Первунка. Они вдвоем обмыли Сергея, потом старик вымазал его мазью и дал выпить своего снадобья.

– Коли потрясучки не будет, ввечеру выйдешь! – сказал он. – Теперь оденься теплее и спи! Я еще зайду к тебе!..

– Позови ко мне батюшку, – приказал Сергей Первунку, – скажи: немешкотно!

Старик и слуга удалились, а на место их через пять минут в повалушу торопливо вошел отец Сергея. Лицо его было встревожено.

– Что с тобою, сынок? Где так убился?

– Тише, батюшка! Закрой дверь поплотнее да выслушай!..

Тот быстро исполнил желание сына и вернулся к нему, тарраца испуганно маленькие глазки.

– Меня это Васька избил, – сказал сквозь зубы Сергей, – я его у нашего тына поймал. Он лез. Надо думать, с Наташкой

виделся. Он меня ухватил и избил!..

Отец всплеснул руками:

– С Натальей! Да быть того не может! Ох, седины мой, седины! Да неужто она опозорила меня? Голубка невинная – и вдруг блуда? Да не может быть того!

– А есть! – сказал Сергей. – Ты ей скажи!..

– Скажи! – вскрикнул Лукоперов, топая ногами и сжимая кулаки. – Да я убью ее! Руками вот этими задушу! В колодезь брошу! А его... его!..

– А с ним я рассчитаюсь, – угрюмо сказал Сергей, – сегодня же... в ночь!..

– Ну, ну! А как же? Ты болен же?..

– Пустяки! К ночи выправлюсь для такого случая. Ты собери мне тридцать молодцов. Пусть Первунук пойдет, да Муха, да Петунька, да Кривой. Еще можно Охочего и Сову взять, а остальных так подбери. Пусть возьмут сабли, пистолеты дай им да кинжалы. Серы дай, пакли...

Отец быстро закивал головою:

– Ладно, ладно, сынок! Выпали ты этого разбойника! Ужо ему! Все сделаю. Иди, отдохни, сосни, а я! Я к Наташке...

– Батюшка, ты не очень шуми, – сказал Сергей, – князь просил меня у тебя сватом быть.

– Ну?! – Лукоперов даже всплеснул руками. – Ах она! Ах она! Такое счастье на ее долю, а она с Ваською. Уж я же ей! – и он, семеня ногами, быстро выбежал из повалуши.

Как ураган он ворвался в светелку дочери и, прежде чем

она могла опомниться, ухватил ее обеими руками за густую косу.

Пашка с визгом выбежала из светлицы. Наташа упала на пол.

– Вот тебе, вот тебе, вот тебе! – повторял Лукоперов, тряся дочь за волосы. – Не порочь моих седин, не путайся с Васькой, не приваживай его через тын скакать. У – у! Непутная! Вот тебе, вот!

Он прыгал вокруг Наташи, лысая голова его покраснела, и на ней вздулись жилы, из его глаз капали слезы.

Наконец он ее бросил и горько заплакал.

– Что ты со мной делаешь? Что? Али неведомо тебе, что он вор и разбойник, что и отец его был вор и разбойник, и дед. Они свейскому королю Псков выдали! А ты? Васька-то Сергея избил... к тебе сам князь сватов шлет! А ты? – бормотал жалобно старик, вытирая кулаком слезы и причитая: – Я ли не люблю тебя, я ли не балую! От ветра и то берегу, чтобы не надул. А ты?..

Наташа лежала на полу ничком с растрепанной косой и в ужасе думала, что пришел конец ее любви. Поняла она сразу, что ее Вася попался Сергею и тот не пощадил ее брата; поняла она, что не пройдет это даром Васе, и еще, что за нее князь сватается. Не страшны ей были отцовские побои, – без побоев и науки нет, и на то его отцовская воля. А страшно до ужаса, что теперь сразу все кончится и ее жизнь станет одною мукою.

Она вдруг поднялась с полу и на коленях подползла к отцу.

– Батюшка! Дай слово молвить... – прошептала она.

– Какое еще слово! Опозорила, и все! Ну, что говорить хочешь? Ну?

– Батюшка! – воскликнула Наташа. – Не губи ты меня! Люблю я его больше жизни! Прости ты его!

– Что?!

Старик вскочил и снова протянул к ее голове руки, но она продолжала, вопя:

– Или сгони ты меня со двора. Уйду я к нему, и уедем мы с ним в земли черкасские. Забудь меня, непокорную!..

– Да ты белены объелась, ума решилась! Ах ты Господи! Вот расти дочерей без матери! – с ужасом закричал старик. – Бежать удумала. Так нет, нет! Убью лучше! Сиди! – сказал он вдруг и, быстро повернувшись, выбежал из светлицы.

Потом выглянул в дверь:

– Голодом заморю, ослушница! Сиди! Он захлопнул дверь и загремел засовом. Наташа упала ничком на пол и залилась слезами. Старик позвал к себе Пашку и строго сказал:

– Заморю, ежели что узнаю! Корми ее и опять на ключ, а ключ мне отдавай. Убежит – за ребро повешу! Помни! А теперь тебе только тридцать дадут!

– Государь, неповинна! – завопила Пашка, бросаясь ему в ногу.

– Встань, дура, встань! Розгачи самой на пользу будут. Ей

вы, возьмите!

Двое холопов подхватили Пашку и поволокли из горницы.

– Вопи сильнее, – сказал ей один, – мы тебя бить не станем. Их бы, шутов, самих розгачами!

– Постарался бы, – ухмыльнулся другой, – для его чести!..

Сергей раза два облился потом, потом заснул крепким, живительным сном, и когда проснулся, то почувствовал себя таким бодрым и сильным, что даже рассмеялся. Но едва он вспомнил про причину своей болезни, про свою страшную месть, как смех тотчас замер на его устах, лицо побледнело, глаза вспыхнули злым огнем, и он быстро поднялся со скамьи и хлопнул в ладоши.

Вместо слуги к нему вошел отец с толстою свечою в деревянном шандале.

– Э, проснулся, сынок! Славно!

– Поздно?

– Двадцать второй час пошел. Ты ляг! – сказал он заботливо. – Я заказал тебе горячего вина с имбирем. Оно тебя лихо согреет. А ночь-то добрая! Светлая!..

Добродушного Лукоперова нельзя было узнать. Глазки, его горели злым огнем, тонкие губы кривились злою усмешкою.

– Сделал, батюшка? – тихо спросил его сын, послушно ложась опять на лавку.

– Все, сынок, все, как заказывал! Ха – ха – ха! Будет ему, басурману, потеха на закусочку!

В это время вошел Первунук, внося жбан горячего вина и стопу.

– Испей, сыночек, на дорожку! – ласково сказал ему отец.

– Сбирай людей! – приказал Сергей Первунку.

Тот поклонился и выскользнул из горницы. Сергей встал и быстро оделся. Он надел кафтан, опоясал его кушаком, прицепил к боку саблю и засунул за пояс пистолет.

– Кольчугу бы набросил! Не ровен час...

– Пустое!

Сергей залпом выпил две стопы горячего вина, и силы его словно удвоились.

– Ну, иду. Благослови, батюшка!

– С Богом, с Богом. Накажи охальника! – торопливо перекрестил его отец. – Ждать тебя буду. Приходи прямо ко мне в горенку.

Сергей вышел во двор. Луна ярко светила, и он увидел кучку подобранных один к другому молодцов из холопов.

– Ну, – сказал он, подходя к ним, – все у вас в порядке?

– Все, государь! – ответил Первунук,

– Так слушайте! На усадьбу Чуксанова пойдем. Ты, Первунук, возьмешь с собой десяток и с задов в сад перелезешь с молодцами. Ты, Кривой, пяток возьми и за амбарами перелезешь; ты, Сова, с другой стороны, а я с ворот. Как заплачу филином, все сразу и сейчас ворота открывайте! Все избы зажечь! Холопов бейте, которые обороняться будут, а его самого живым взять! Помните! Кто возьмет, тому три рубля и

кафтан, кто убьет его – веревка на шею! Ну, с Богом!

Ворота отворились, и все гуськом вышли за околицу и пошли вдоль тына.

Чуксанов жил всего в трех верстах.

Усадьба его садом сливалась с лесом, а ворота выходили на речной берег. С боков шли степные луга, и вокруг ближе трех – пяти верст не было у него никаких соседей.

В эту ночь не спалось ему. Все еще не мог совладать он со своими думами и ломал голову, как увидеть Наташу, как узнать, что с нею. Грустный, он вышел на свое крыльцо. Месяц ласково смотрел на него.

Василий поднял глаза на небо.

Может, и она в эту минуту смотрит из оконца на луну и о нем думает.

Вдруг он вздрогнул. Жалобно – жалобно заплакал филин.

Не к добру это!

И только что он это подумал, как с криками замелькали по двору люди, распахнулись ворота, и в них хлынула толпа, сверкая саблями.

Василий тотчас сообразил, в чем дело, и бросился в горницу! В один миг сорвал он со стены саблю и прыгнул в окошко.

Его тотчас окружили люди Первунка.

Сзади слышались вопли, собачий лай, звон мечей, и вдруг страшная картина разбоя озарилась заревом пожара.

Василий рубился как иступленный.

– Не руби его! – закричал Первунок. – Это сам! Живым бери! У кого аркан?

Василий отпрыгнул в сторону и метнулся по траве сада, махая саблею. Все расступились. Он бросился к тыну.

– Лови его, держи! – раздались голоса. В ту же минуту под ноги ему подкатился какой-то человек. Василий упал, и тотчас на него навалились лукоперовские холопы.

Посреди двора, вокруг которого, с треском рассыпаясь искрами, догорали избы, на краю колодца сидел Сергей, опираясь на саблю, а перед ним стоял связанный Чуксанов. Они смотрели в упор друг на друга, и взоры их метали молнии. Наконец Сергей перевел дух и заговорил:

– Ну, вот, друже, и расчет сведем! Ты меня, а я тебя!

– Расчет будет, когда я вашу усадьбу спалю! – глухо ответил Василий.

Сергей усмехнулся:

– Ладно, коли спалишь, а пока за вчерашнее посчитаемся!

– Развяжи руки и дай саблю!

– Тебе? Саблю? – с невыразимым презрением воскликнул Сергей. – Пастуший кнут тебе, дворянин сермяжный!

Он перевел дух и, стараясь казаться спокойным, сказал с усмешкою:

– Хотел я тебя поначалу нагайкой бить, да раздумал. Ты меня нагайкой бил, и выходит, тебе то не по чину будет! Решил розгами!

Василий вздрогнул.

– Не смеешь ты этого! – закричал он. – Я такой же дворянин, как и ты. Я к воеводе пойду!

– Иди, милостивец! А пока что: эй, Первунок, Кривой, Муха! Ну-ка его! – закричал Сергей.

В одно мгновение холопы набросились на Чуксанова, развязали его, сдернули кафтан, рубаху и штаны и положили на землю. Первунок сел ему на плечи, Муха на ноги.

– Розог! – приказал Сергей.

Длинные прутья свистнули в воздухе, и из спины Чуксанова брызнула кровь. Он закусил себе руку, чтобы не кричать от боли.

– Садчее! Садчее, так его! Будешь помнить, волчья, сыть, Лукоперова! Голь! Сермяжный дворянин! – ругался Сергей под свист розог.

Кривой устал махать рукою, его сменил Сова. Спина Чуксанова уже давно представляла собою кровавое месиво, и розги не били, а шлепали по ней, словно по луже.

– Бросьте его псам! – приказал наконец Сергей. Первун и Муха сошли с Василия, но он лежал неподвижно ничком, вонзив зубы в руку.

– Собаке собачья смерть! – злобно сказал Сергей. – Ну, домой!

Холопы потянулись, ведя за собою связанных Чуксановых людей. На дворе уже догорали последние головешки. Восток побелел и скоро озарился кровавым заревом. Кругом было безмолвно, тихо, только плескалась река да тихо шумел еще

не проснувшийся лес.

Чуксанов лежал недвижимым трупом.

Из-за сгоревшего сруба вылезла опаленная собака. Она подбежала к хозяину, обнюхала его и с жалостным визгом начала лизать его окровавленную спину. Чуксанов не шевелился...

V

Василий наконец очнулся и с изумлением огляделся вокруг себя. Лежал он словно бы на полке. На стенах, на потолочных балках, везде, куда ни глянь, висели пучки трав и кореньев. Слабый свет пробивался через два тусклых оконца, затянутых пузырем, и Чуксанов не мог понять, где он находится. Только не у себя. У него висели в углу образа и теплилась лампада, стоял стол и дубовые скамьи, на стене висел ковер персидский и на нем славное оружие. Он хотел сойти, но страшная боль в голове и спине заставила его застонать и бросить попытку шевельнуться хоть членом. В то же время он вспомнил все происшедшее: пожар, битву и страшное, позорное наказание. При этом воспоминании он застонал еще сильнее.

– Очнулся! – раздался подле него голос.

Он повернул голову и увидел тощего старика, в котором сразу признал Еремейку, лукоперовского знахаря. Кровь застыла в его жилах, волосы зашевелились на голове. Какую муку и позор ему еще придумали?..

– Разве мало им мести? – глухо спросил он. – Чего они еще захотели от меня?

Старик понял его мысли и покачал головою.

– Не бойсь, не бойсь, ты не у врага! Еремейка не выдаст, кого хоронит.

– Так ты... – с надеждою в голосе начал Василий.

– Да, кабы не я, псы бы тебя съели, – перебил его старик. – Иду это я из лесу, что дымом тянет? Подхожу, а на месте твоей усадьбы-то пеньки горелые. Вижу там, подале, собаки что-то словно грызутся. Подошел ближе: лежишь ты ровно туша свежаванная, а вокруг псы, и один-то пес тебя защищает, а его грызут. Тут я разогнал их, тебя-то, молодец, до ночи стерег, а ночью сюда приволок, благо, у меня тут лазейка есть!.. Ты здесь пластом три дня лежал. Все без памяти.

– Спасибо, дедушка, – со слезами на глазах проговорил Василий, – Бог тебя... – Он не кончил и протяжно застонал.

– Больно? – участливо спросил Еремейка.

– Саднит, жжет... испить бы!

– Это можно! Я тебе кваску, кисленького! – старик ушел и через минуту вернулся с деревянным ковшом холодного квасу. Василий жадно осушил ковш.

– Теперь полежи малость, – сказал ему Еремейка, – а опосля я приду; опять тебя мазью натру. Spина-то уж заживать стала. Скоро совсем молодцом встанешь!

– Скорей бы! – проговорил Василий, и измученное лицо его вспыхнуло. Старик понял его и усмехнулся:

– Успеешь еще!..

В тишине и покое, при заботливом уходе Еремейки, Василий слез с полка уже на третий день после того, как очнулся. Старик поместил его в своей кладовой, и Чуксанов, несмотря на то что жил в усадьбе своего врага, был безопаснее,

чем в каком ином месте.

Старик смеялся тихим, беззвучным смехом.

– Меня они все чураются, – говорил он, – днем-то еще туда – сюда, а к вечеру и – ни Боже мой! За колдуна почитают, а мне то и на руку. Не бойсь, сюда не заглянут.

По вечерам он звал Василия в свою горницу и они вместе ужинали, а там говорили, иную пору до первых петухов. Ряд бесед на одну и ту же тему открыл сам Еремейка.

– Как это увидел я тебя, – сказал он, – сейчас смекнул, что это его рук дело, – он показал на стену, за которой находилась усадьба, – а днем-то накануне я его лечил. Тоже избили его. Это, выходит, ты его, а он тебя. За что ж подрались-то?

– Горе тут мое, дедушка, сворожено! – с горечью сказал Василий. – Поначалу я им ничего не сделал, а теперь им смертельный враг. Полюбил я – от тебя не буду таиться – Наталью ихнюю, и она меня...

И Василий день за днем рассказал Еремейке и про любовь свою, и про тяжкие невзгоды своей жизни, и про странную ненависть к нему Лукоперовых, и, наконец, про последнюю встречу.

– Ох ты, горький! – вздохнул старик. – Истинно сказано: с сильным не борись! Где тебе, сиротинке, одолеть их?

Василий сверкнул глазами и гневно сжал кулаки:

– К воеводе пойду, суда потребую. Пусть головой их мне выдадут!

– Глупый ты, глупый, – закачал головою старик, – да с чего

ты взял это, что воевода за тебя вступится. Воевода за того станет, у кого мошна толще. Али и этого не знаешь?

– На Москву пойду, к самому царю!

– Ну, до царя-то тоже через восход добираться надо!

– Тогда все их гнездо выжгу поганое!

– А Наталью как?..

– Ее возьму! Одну ее, голубку белую! Попала она в воронье гнездо проклятое! Дедушка, а ты не видал ее?

– Не! Ее отец-то, слышь, на замок запер. Я на дворню ходил, слушал. Бил ее! Бают, князь за нее сватается.

– Не бывать этому! Убью ее лучше! – с дикой страстью вскричал Василий.

– Не бывать! Все, друже, на свете бывает. Знаешь ты мою историю?..

– Нет, дедушка!

– Ну, так послушай!

Старик налил браги, отпил несколько больших глотков и начал рассказывать:

– Давно то было, еще при царе Михаиле Феодоровиче, в те поры, когда он только на Москву приехал. Вот когда! Кругом разорение. Людишки-то только – только строиться зачали. И был под Коломною боярин, Иван Игнатьевич Шерстобой по имени. Такой ли выжига, такой ли зацепя, при царе Шуйском раньше дьяком был, а потом Тушинскому прямил. Вот! А мой-то батюшка, Степан Кузьмичев, разорен был. Думал, дай выстроюсь, сынку что оставлю – я-то у него один

был. Пошел он к этому Шерстобоеву да в кабалу к нему запишись. До самой, мол, смерти! Тот ему пятьсот рублей обещал. Мне-то о ту пору всего десять годочков было. Расту это я, расту, в стрелки он меня забрал, и сустреться мне его дочка. Анной звали!

Старик тяжело перевел дух. Черные брови его зашевелились словно тараканы. Он опять отпил и продолжал:

– Увидела она меня и зарделась, а я ровно пень стою и не дыхну. С той поры и пошло. Поначалу только так встретимся – и в стороны, потом она мне плат бросила, а там раз в ночи пришла это сенная девушка и зазвала в вишенья...

– Как со мною! – тихо сказал Василий.

Старик кивнул:

– Как минутки мелькали ноченьки! Эх, время... Только вдруг это батька мой помер. Поначалу я за любовью своей и горевал-то мало, а потом – на – с! Лукоперов, Федор Степанович, дед евойный, и посватайся за Анну. Господи, и завыл я тогда, а что сделаешь? Глядь, поженились, а там он и увез ее! Тоска меня забрала. Пошел я к боярину и говорю: «Отпусти меня и пятьсот рублей отдай, что батьке обещал». А он на меня: «Как ты смеешь, раб, мне такие речи говорить?» Я ему: «Батька мой точно в кабалу записался, а я вольный человек». – «Ты-то вольный? – закричал он. – В батоги его, вот твоя воля!» Ухватили меня холопы и избили, а он потом говорит: «Уставов, дурак, не знаешь, коли ты без кабальной записи полгода прожил, ты раб мой!» Тут я и света невзвиз-

дел. Погибай же душа моя, да его в ухо! Он вскрикнул и покатился, и дух вон, а я в беги!.. В Запорожье был – там-то всему и выучился, – а потом сюда пробрался да тут с Анной и свиделся. Крут был Федор Степанович, боем ее бил, а я как бы знахарем. Так и умерла, голубушка, на руках моих. С той поры я и тут...

Старик закрыл лицо рукою и долго сидел молча, тяжело вздыхая.

Потом поднял голову и, уже тихо улыбаясь, сказал:

– На все воля Божия. А я к тому речь повел, что с сильным не борись. На – кось, в ряды засчитал!.. Я бояр с той поры ненавижу, – тихо окончил он.

И с той поры начались у них беседы. Рассказывал старик про далекую старину, про казачество, а Василий слушал, и одна мысль гнездилась в его голове: суда искать, Наташу отбить!..

– Бают, атаман Степан Тимофеевич сюда идет! – сказал раз старик. – Вот у кого суда ищи, а не у воевод. Он, слышь, за всякого обиженного стоит. Идет и праведный суд везде чинит: всякого воеводу – в воду, боярина да дворянина на виселицу, а холопа да обиженного на вольную волюшку. Молодцы тут проходили, рассказывали. Коли правда, так и я с ним пойду, стариной трягну! – и старик грозно сверкал глазами и словно молодец.

– Поначалу суда искать буду, – повторял Василий, – али правды на свете нет?

– Нет ее, друже, на свете! Ой, нету! Ее воеводы давно съели, а дьячки с приказными и обглодочки подобрали.

– Попытка – не пытка, дедушка!

Наконец Василий совсем оправился, и первый выход его был на свое пепелище. В лунную ночь тайной лазейкой старика выбрался он на дорогу и пришел к месту, где прежде стояла его усадьба.

Было светло как днем. Он пришел и грустно огляделся. Кругом торчали только обуглившиеся бревна. Ночная тишина еще усиливала унылое запустение.

– Скажу спасибо! Поквитаемся! – злобно бормотал Василий, печально ходя по углям и золе, а потом с тоскою говорил: – Люба ты моя! Голубонька! Любишь ли ты меня, своего Васю, или плачешь по мне, как по покойнику! Ой, сердце мое, сердце!..

Он вдруг ощутил под ногой что-то твердое. Нагнулся и увидел свою саблю. С радостным криком схватил он ее и со свистом рассек недвижный воздух, холодная сталь блеснула под лучами месяца.

– Ой, сабля моя, сабля! Не расстанусь я теперь с тобою. Ты одна мне друг и товарищ!

Он нагнулся и стал шарить ею в пепле, думая сыскать еще что-нибудь, и надежды его оправдались. Под лучами месяца что-то блеснуло. Раз, два! Он нагнулся и поднял два тяжелых почерневших слитка. Он торопливо потер их о полу кафтана, и они заблестели тусклым, желтым блеском.

Слезы выступили на глазах его. Вот все, что осталось от отцовского наследия, от родительского благословения! Два истаявшие оклада...

Рано под утро он вернулся к Еремейке и показал свою находку.

– Истинно, Бог послал! – сказал старик, взяв слитки. – Ты вот что! Ежели и вправду к воеводе на суд пойдешь, так понеси это в подарок ему, а за этот – я куплю тебе коня да кинжал, да еще для дороги что останется.

– Спасибо тебе! – с чувством ответил Василий и стал собираться в дорогу.

Вечером старик действительно подал ему большой кинжал и горсть серебряных монет.

– А коня я схоронил недалечко! – сказал он.

Василий крепко обнял его:

– Ты мне был за отца родного. Сгину я, так помяни в молитве своей!

– Ну, ну, зачем сгинуть, – сказал ему Еремейка, – пусть уж лучше они, проклятые! Идем, что ли! А про Степана Тимофеевича дознайся!

Они тихо вышли за околицу. Еремейка провел его к оврагу и вывел оттуда коня.

Василий в последний раз обнял старика

– Для Бога молю тебя, – сказал он, – скажи Наталье, что жив я и возьму ее за себя. Пусть ждет и сватов гонит!..

– Скажу, милый, скажу, горький! Ну, благослови тебя Гос-

поди!

Василий тронул коня.

– А про Степана Тимофеевича дознайся! – донесся до него из темноты старческий голос Еремейки.

VI

Василий ехал почти всю дорогу на рысях, мало где останавливался, да и то для коня больше, и к полудню на следующий день увидел Саратов. Еще издали под солнечными лучами заблестала перед ним глава собора своею крышею из белой жести. Василий слез с коня, набожно покрестился на видневшуюся вдали церковь и потом, вскочив в седло, снова погнал коня.

В душе его не было ни радости, ни просвета. Одна только ненависть к своим обидчикам наполняла ее, и даже его святая любовь к Наташе была отравлена горечью. «Люба моя, любя, — думал он, — как же мы сойдемся с тобою? Мира промеж мной и твоими быть не может, обманом уйти сама не хочешь. Эх, пропала моя головушка!»

Слезы туманили его глаза, а потом быстро высыхали при гневе, которым он вспыхивал, вспоминая об обидах.

Быть не может, чтобы в суде правды не было.

Правда, воевода жаден, да ведь есть и на него страх государев?

И с такими надеждами он подъехал к городу и въехал в надолбы.

В те времена каждый большой город представлял собою крепость большей или меньшей силы. Окружен он был всегда стеною, с башнями и бойницами, за которыми выкопан

был широкий ров, с натканными в дно кольями, что называлось честиком. Через ров к воротам были положены подъемные мосты.

Стоило приблизиться врагу, и мосты поднимались вверх, ворота закрывались, из бойниц и из башенок стрельцы наводили ружья, а со стен грозили пушки.

Перед городом, обыкновенно со стороны главных ворот еще, в виде подъезда, был раскинут посад, в котором в мирное время жили посадские люди, занимавшиеся торговлею и промыслами. Посад был тоже обведен рвом, а иногда и двумя, с честиком, огорожен частоколом, да еще ко всему, чтобы въехать в спускные ворота, надо было проехать надолбы.

Тесными рядами, близко друг к другу, вбивались в землю бревна, составляя собою извилистые, пересекающиеся коридоры. Ко всему их еще сверху покрывали досками. Чтобы добраться до посада, надо было пройти эти узкие коридоры, и в военное время берущим город приходилось буквально каждый шаг добывать ценою крови и жизни.

Василий проехал надолбы, въехал в спускные ворота и очутился в богатом посаде. Дома перемешивались с лавками, низенькая курная изба стояла рядом с двухэтажным домом; кругом была мертвая тишина, потому что в это послеобеденное время каждый русский считал долгом своим спать; то и дело встречались по дороге столбы, на которых висели иконы, и Василий каждый раз сходил с коня и набожно молился на них.

«Мати Пресвятая Богородица, – молился он жарко, – помоги покарать мне обидчиков, найти защиту и силу! Помоги в чистой любви моей, потому что без Натальи нет мне жизни и радости».

При въезде в городские ворота он тоже помолился на образ Спаса и наконец очутился в городе. В городе царила такая же невозмутимая тишина. Спали даже собаки, свернувшись калачиками где попало.

Василий въехал в первую улицу, всю застроенную домами, в одних из которых жили служилые люди, а другие были так называемые осадные и принадлежали окрестным помещикам, которые выстроили их на случай спасения от врагов. В обыкновенное время в них жили дворники, а то и просто стояли они пустыми в ожидании хозяев.

У Василия был небольшой двор, построенный еще его отцом. На дворе этом жил Аким с женою, кабальные Чуксанова. Василий свернул к нему и постучал в калитку. Ему долго не отворяли. Наконец лениво забрехала собака, застучали щеколдой и заспанный мужик в пестрядинных портах и неопоясанной рубахе, босоногий и простоволосый открыл калитку.

– Кой леший о такую пору... – начал он, но, увидя своего господина, засуетился, торопливо распахнул ворота и с низкими поклонами встретил коня и всадника.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.